

**Ладыгин Е. В.**

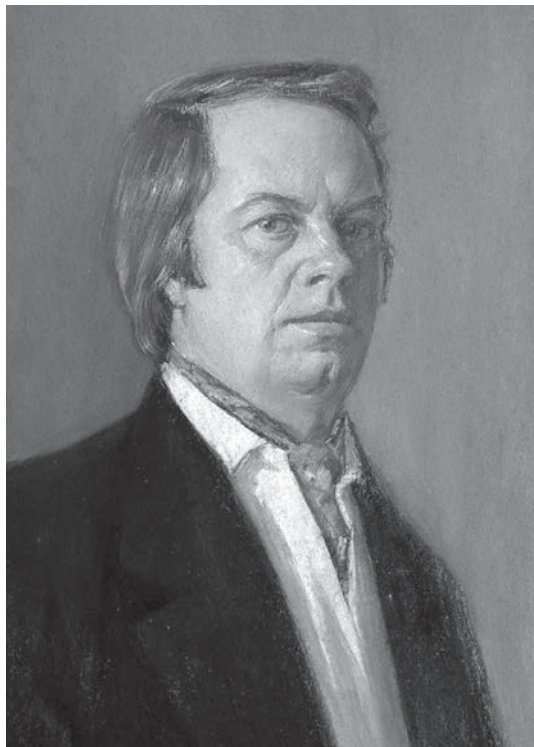
**ВЛАДИСЛАВ ЛАДЫГИН –  
ДИЗАЙНЕР, ХУДОЖНИК,  
ЧЕЛОВЕК**

**Воспоминания об Отце**

*К 80-летию со дня рождения*

**ТВЕРЬ  
ПРИНТ-АГЕНТ  
2020**

УДК 74.01.09  
ББК 85.153 (2)



**Владислав Викторович Ладыгин  
(1940-2012)**

*«Автопортрет», конец 1970-х гг.  
Бум., пастель.*

---

**Ладыгин Е.В.**  
Л15 **ВЛАДИСЛАВ ЛАДЫГИН – ДИЗАЙНЕР, ХУДОЖНИК, ЧЕЛОВЕК.**  
**Воспоминания об Отце.** – Тверь: ПРИНТ-АГЕНТ, – 2020. – 80 с.: ил.

© Ладыгин Е. В., 2020. Все права защищены.

*Конфеты «Птичье молоко», «Маска», «Буревестник»... Этикетки на банках фруктовых соков, овощных и мясных консервов... Пакеты чая «Бодрость», коробки молотого кофе и кофе-цикорных продуктов... Концентратный «Суп вермишелевый с мясом», Хрустящий картофель «Московский»...*

*Десятилетиями эти образы сопровождали быт семей в СССР. Их вполне можно причислить к символам ушедшей Советской эпохи, не менее известным старшему поколению, чем пионерский галстук или портрет Ленина. А ряд этих товаров продолжает радовать глаз современных покупателей. Но ни сейчас, ни тем более в то время, никто не задумывался: кто же автор их оформления? А это был один феноменальный человек – мой отец, Владислав Викторович Ладыгин, представитель известной русской фамилии. Ему, его жизни и творчеству посвящена эта книга.*

## **СЕМЕЙНЫЕ «ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ»**

Ладыгины входят в число 18 старейших дворянских родов России, которые имеют одного общего предка – Андрея Ивановича Кобылы (умер не ранее 1347 г.). Он был ближним боярином Великих князей Владимирских Ивана Калиты и Симеона Гордого, и, судя по летописи, обладал исключительным влиянием в московской политике тех лет. По предположениям ряда историков, этот вельможа мог быть даже женат на одной из княжон-представительниц московского правящего дома Рюриковичей.

История о происхождении семей Ладыгиных, Колычевых, Коновницыных, Романовых, Шереметьевых, Яковлевых и многих других от Андрея Кобылы впервые записана в «Бархатной книге» дворянских родов, составленной в 1680-х годах. Там же предком Андрея Ивановича Кобылы впервые назван прусский владетельный князь Гланда Кабмила. В 1722 году этой родословной придали государственный статус, её лично отредактировал первый герольдмейстер Петра Первого, стольник Степан Андреевич Колычев, коему Императором была поставлена ответственная задача подтвердить европейское происхождение правящей династии. В ознаменование коро-

левского прусского происхождения гербы всех потомков Андрея Кобылы включают с тех пор в себя корону и два креста на пурпурном поле (только у самих Романовых, да и то не у всех, другая эмблема)<sup>1)</sup>.

В январском номере журнала «Гербовед» за 1913 год его автор и издатель С. Н. Тройницкий сообщает, что в архиве Герольдии Российской империи сохранился список с оригинала родословной XVI-XVII веков, поданный Шереметьевыми на Высочайшее Утверждение в июне 1798 года. В нём приводится полный текст источника:

*«Андрей Иванович Кобыла происходит от короля прусского и аланского Вейдевута, коему, в 305 году по Рождестве Христове, старший брат король Прутену, уступив царство свое пошел в первые жрецы ко идолослужению, что было около зеленого кумиропоклонного дуба в Рома-Нова, первой столице прусской, по разорении коей тут же выстроен город Гейлигенбейль, то есть: святые топоры, которые даны тому городу в герб, поелику оными был срублен помянутый идолопоклонный дуб. Король Вейдевут<sup>2)</sup> разделил царство свое двенадцати сыновьям, коих имена до днесь носят прусские провинции; потомок четвертого сына его Недрона, владетель Судовии, Самогиции и прочих, Гланда Камбила Дивонович утомлен будучи во бранях противу крыжсаков<sup>3)</sup> был ими побежден и*

---

1) Царствующие особы употребляли в XVII веке государственный герб, ряд других Романовых – эмблему с грифоном. Самый древний герб с прусской символикой встречается на прапоре воеводы Никиты Ивановича Романова (умершего в 1655 году двоюродного брата царя Михаила Федоровича). Т.е. такой герб использован задолго до составления «Бархатной книги», в те годы, когда это не было оправдано желанием подтвердить происхождение. Вообще, в допетровские времена русская знать почти не пользовалась гербами. Наличие собственного геральдического символа у Н.И. Романова в те годы указывает на древность рода, а атрибутика косвенно подтверждает его европейские корни (аналогичный герб у прусского города Гданьска (Данцига)). Эти же символы на гербе Шереметьевых в иллюстрации книги Петра Терлецкого «*Slawa heroicznych dzieł jasne wielmożnego i. m. pana Worysa Retrowicza Scleremetu*», повествующей о поездке графа Б.П.Шереметьева в Европу (опубликована в 1698 г.). (Прим. автора).

2) *Waidewit* – первый прусский король. Пруссы были балто-славянским племенем и жили на территории Калининградской области РФ, Гданьского района Польши и ряда областей Литвы. Король *Waidewit* также считается и основателем Великого княжества Литовского. Родословную самого Вейдевута возводят к римскому императору Октавиану Августу. (Прим. автора).

3) Крыжсаками на Руси называли Тевтонских рыцарей. (Прим. автора).

*выехал в Россию со множеством подданных своих и с единственным своим сыном к Великому князю Александру Ярославичу Невскому в 6749/1241 году, восприял Святое Крещение и дано ему имя Иоанн, а сыну Андрей Иванович Камбила, по просторечию Кобылой прозванный. Сей родоначальник знаменитейших фамилий был в дружелюбии и отменной доверенности у Великого князя московского Семиона Ивановича Гордого; доказательством сему и то служит, что когда государь сговорил жениться на дочери князя Александра Михайловича Тверского, то Андрей Иванович, как ближайшая при нем особа, ездил в Тверь за невестою».*



*Семейный герб из гербовника 1798 года*

Подлинность документа и его содержание были заверены представителями происходивших от А. И. Кобылы дворян: графом Николаем Петровичем Шереметьевым, Алексеем Яковлевичем Яковлевым, Степаном Алексеевичем и Степаном Степановичем Колычевыми.

Начиная с Августа Шлецера (XVIII в.), учёные стали подвергать сомнению историчность легенды о прусском происхождении Андрея Кобылы. Многие указывали, что версия с просторечной ошибкой (заменой Кабмилы на Кобылу) выглядит спорной. Советские историки даже обвиняли подателей родословной в фальсификации, вспоминая другую несостыковку: в Ростовском Синодике Андрей Кобыла записан не Ивановичем, а Александровичем. Если верить ростовскому тексту, с Кабмилой он не может иметь никакого род-

ства. Современные российские учёные склонны относить Андрея Кобылу к крупным отечественным землевладельцам, а родиной знаменитого боярина называют Великий Новгород, Переславль-Залесский или Кострому.

В условиях отсутствия документов и скудости летописных упоминаний о том времени, трудно безусловно подтвердить или опровергнуть ту или иную версию. Но, интересно, моего отца в Прибалтике часто принимали за земляка, обращаясь к нему то по-эстонски, то по-литовски. Кроме того, при всей своей сугубой скромности он всегда выглядел и вёл себя аристократически: был интеллигентным, честным, вежливым, учтивым, галантным ...

У Андрея Ивановича Кобылы было несколько сыновей. Самый известный среди них, конечно, Фёдор Кошка, который стал родоначальником императорской династии Романовых и графов Шереметьевых. От другого, Гавриила (Гавши) пошли Боборыкины, от третьего, Александра Ёлки, – Колычевы. Старшего сына Андрея Кобылы звали Семёном Жеребцом. От его детей происходят семейства Горбуновых, Кокоревых, Образцовых и Лодыгиных.

Последняя фамилия появилась потому, что сын Семёна Жеребца – Григорий получил прозвище Лодыга (от древнерусского – щиколотка, подставка, подножка), вот его детей и стали величать Лодыгиными. Чуть позже представители одной из ветвей Лодыгиных сменили фамилию, так появились графы Коновницыны.

Российская история до XVII века довольно скупа на описание жизни нецарствующих особ, которые редко появляются в хрониках, не исключение и предки отца.

Известно, что в 1526 году по поручению Великого князя Василия III-го с успешной дипломатической миссией к папскому престолу съездил в Ватикан Василий (Шарап) Лодыгин. В государственных архивах сохранилось также постановление боярской думы от 1550 года. В нём отмечено, что Иван IV Грозный отобрал на личную службу 1000 наиболее преданных ему детей боярских (дворян), наградив их поместьями в различных регионах Московского царства. В этом документе девять представителей Лодыгиных записаны среди «тысячников». С тех пор пошли Псковские, Рязанские, Тверские, Тамбовские и другие Лодыгины, а затем Ладыгины.

В письменных источниках, начиная с XVIII века, первая гласная

в этой фамилии постоянно меняется, даже у одних и тех же исторических персонажей. Их записывают в документах то Лодыгинными, то Ладыгинными, что и породило в итоге две «паспортные» версии.

Ла(о)дыгины обеднели и потеряли влияние ещё в допетровские времена, хотя немало потрудились на благо России, оставив яркий след в истории последних трёх столетий. Среди них встречаются государственные деятели и военные, дипломаты и предприниматели, учёные и изобретатели, художники и литераторы.

В XVIII веке капитан П. Н. Ладыгин участвовал в героическом взятии Дербента во время Русско-Персидской войны, а инженер Д. М. Лодыгин изобрёл спиртоперегонный куб (основу самогонного аппарата отечественного типа). В XIX веке А. Ф. Ладыгин был псковским городским головой, руководил строительством Троицкого моста через р. Пскову, а электротехник А. Н. Лодыгин запатентовал изобретение лампы накаливания. В XX веке творил поэт-полидромист Н. И. Ладыгин, а генерал-полковник Ф. И. Ладыгин работал начальником ГРУ (Главного разведывательного управления СССР)...

Предки папы происходят из тверской ветви Ладыгинных. В середине XIX века его прадед – Пётр Петрович Ладыгин владел землёй в Тверской губернии и небольшим торговым делом в Волоколамске и Дмитрове. Во второй половине XIX века он с семьёй поселился в Замоскворечье на улице Малая Полянка в доме №2, тогда из окон этого небольшого двухэтажного особняка был виден Кремль.



*В. В. Ладыгин на фоне родового гнезда. Около 1990-го года.*

Его сыновья Яков и Михаил пошли дорогой, не связанной с коммерцией и землевладением. Они сами и их дети были напрочь лишены страсти к наживе. В семье за ними закрепилось шутливое прозвище: «за что купил – за то продал».

Яков Петрович страстно полюбил духовную живопись. Дедушка называл его богомазом и говорил, что его дядя работал в иконописной мастерской, кажется, при Оружейной палате.

Михаил Петрович – увлёкся автомобилизмом. В начале XX века он колесил по Первопрестольной на одном из первых Роллс-Ройсов. Видимо эта вполне рабочая квалификация и помогла ему легко вписаться в Советскую жизнь. После Октябрьской революции он шоферил до конца своих дней. В семье Михаила Петровича было четверо детей: Африкан, Виктор, Клавдия и Лонгин.

Папин отец, Виктор Михайлович, стал для меня примером настоящего москвича. Он хранил традиции, знал массу историй из городского фольклора, частушек, прибауток. По темпераменту он был холериком, весельчаком, заводным и гиперактивным с самого раннего детства: часто вспоминал о том, как ребёнком морозил вареники и ходил к Москве-реке на кулачные бои; как бегал с мальчишками «реквизировать» мороженое у НЭПманов-рестораторов; как ночью забирался в открытое окно рабочего клуба и учился играть на различных музыкальных инструментах...



*М. П. Ладыгин,  
1920-е годы.*



*В. М. Ладыгин,  
1930-е годы.*



*В. М. Ладыгин,  
1950-е годы.*



В юности мой дедушка стал заядлым радиолобителем. В начале 1930-х годов, отслужив в частях РККА, он поступил в МВТУ им. Баумана. Получив профильное образование, начал работать инженером-электриком на одном из предприятий Наркомата обороны.

Работа на Оборонку была ответственной, нервной, подчас во вредных для здоровья условиях. К тридцати годам Виктор Михайлович уже был с проседью, заработал варикозное расширение вен (до конца своей долгой жизни он ходил с перебинтованными ногами). Но он не унывал, играл на нескольких музыкальных инструментах (мандолине, домре, гитаре, баяне и аккордеоне), обладал потрясающим чувством юмора и всегда был душой компании.

Закончил он свою успешную карьеру в 1970-х годах в должности Главного энергетика (начальника отдела) Министерства среднего машиностроения СССР – ведомства, занимавшегося производством сверхсекретных высокотехнологичных вооружений. Когда я спрашивал деда о роде занятий, он отшучивался: «Я делал атомные зажигалки»... Среди немногих его «открытых» конструкторских проектов было создание принципиальной электрической схемы радиолы «Урал», пользовавшейся большим спросом благодаря высоким техническим характеристикам, конкурентным западным аналогам.

Замуж за «старика», как судачили подружки, согласилась выйти по любви Анна Васильевна Павлова, уроженка подмосковного села



*А. В. Ладыгина,  
1960-е годы.*



*В.М. и В.В. Ладыгины,  
начало 1960-х гг.*



*В. М. Ладыгин,  
начало 1970-х гг.*

Большое Свинорье Нарофоминского района. Виктор Михайлович как-то играл на баяне на танцах, где ей и приглянулся. Она стала домохозяйкой, всю жизнь посвятила мужу и детям, обеспечивая их быт. До сих пор в семье пользуются её особым способом квашения капусты, рецептами выпечки, приготовления картофельных зразов и немалого количества других вкусняшек.

Помню «осень» дедушки с бабушкой, которые всё время смеялись, радовались друг другу. Они словно проиллюстрировали литературное «долго и счастливо». Родители, по словам отца, *«всегда жили весело»*, не замечая чудовищных трудностей, выпавших на судьбу их поколения, столь им было хорошо вместе и в окружении множества добрых друзей.

## ПЕРВЫЕ ШАГИ В ТВОРЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Их первенец, Владислав, родился в Москве 27 апреля 1940 года в роддоме Первой градской больницы. В тот год весна была ранней, дедушка вспоминал, как на радости наломал сирени и пошёл поздравлять жену, вручив букет через окно первого этажа.

Через год грянула Великая Отечественная война. В 1941 году важнейшие предприятия Москвы были эвакуированы в Сибирь. Вслед за станками за Урал отправились лучшие специалисты, цвет инженерно-конструкторской мысли СССР, многие вместе с семьями. За день до отъезда маленький Владик заболел дизентерией, очень опасной в той ситуации болезнью, ведь ехать эшелон должен был не один день. Спасением стали две бутылки причастного Кагора, выменянных его мамой перед отправкой на базаре – по паре ложек в день и болезнь отступила.

Первые годы жизни отец провёл в Свердловске (Екатеринбурге). Несмотря на голодное военное время, тяготы эвакуации, папа с самого детства был энергичным и любознательным. Бабушка вспоминала, как он бегал в рабочем бараке между жилых отсеков, разделённых фанерными перегородками, а иногда засыпал прямо под станками.

Семья вернулась домой в конце войны, Ладыгиных ждало прибавление – в 1944 году у папы появился брат Юрий.



*Владик Ладыгин.  
Фото 1941 г.*



*В.М. и А.В. Ладыги-  
ны. Фото 1950-х гг.*



*В. В. Ладыгин на этюдах, за ним  
В. М. Ладыгин. Фото 1958 г.*

В возрасте 10-12 лет папа увлёкся игрой на баяне и аккордеоне. Музыкае он никогда серьёзно не учился, но легко подбирал мелодию на слух, который у него был от природы абсолютным. Играл он стильно и артистично, извлекая из инструмента сочные аккорды, мощно ударяя по пищикам, с силой растягивая и сжимая меха.

От Полянки была пара кварталов до Третьяковки. В святилище русской живописи папа стал завсегдатаем. Уже тогда, в раннем детстве, он влюбился в изобразительное искусство. Родители заметили и поддержали этот интерес, в 6-м классе мама отвела сына в Замосворецкий дом пионеров в кружок рисования.

После 7 класса Владик Ладыгин поступил в одно из старейших учебных заведений Москвы – МХПУ (Московское Художественно-педагогическое училище). Здесь он получил прочную основу знаний и навыков, сделавших его великолепным рисовальщиком, живописцем и учителем. Это был последний набор, вскоре было принято решение о постепенном расформировании этого учебного заведения, но всем поступившим позволили закончить образование. Папа часто вспоминал годы учёбы в постепенно пустеющих залах старинного особняка в центре Москвы полных картин, альбомов, книг, гипсовых голов, чучел и скелетов в шкафах:

*«Сижу на лестнице. В руках блокнот и карандаш. На площадках стоят скульптуры, экорше, скелеты. Рисую их, штудирую...*



*Учебная работа, 1956 г.  
Бум., акварель*



*Церковь в с. Большое Свинорье, 1957 г.  
Картон, масло*



*Пейзаж с. Большое Свинорье, 1950-60 гг. Холст, масло*

*Среди педагогов училища были настоящие Мэтры. Мы все любили «Кнопочку», который преподавал академический рисунок. Прозвище закрепилось за старым Учителем на первом же занятии. Среди настоящих, крепящих лист к мольберту кнопок, он изобразил одну простым карандашом. «Найдёте нарисованную?» Пока ребята не приложили ладонь, никто так и не смог отличить изображение от реальности! Все затем старались достичь такого же мастерства...».*

В эти годы семья переехала в Измайлово. В виды Измайловского парка, реки Серебрянки и Терлецких прудов папа остался влюбленным до конца жизни.

Я помню чердак нашего дома в деревне. Пыльные листы потемневшего от времени ватмана с почти живыми натурщиками, гипсами, натюрмортами, пейзажами. Отец уже в юности стал мастером! В 1959 году училище осталась позади, был получен диплом сразу по двум специальностям – художник-педагог и чертёжник-конструктор.

Сразу же по окончании учёбы отец был призван в ряды Советской армии. Его военная профессия также оказалась связана с ИЗО – планшетист Станции радиолокационных средств особого назначения Ракетных войск. Служба проходила «на точке» в Мурманской области, на крайнем Севере. Папа часто рассказывал о своей армейской жизни, всегда с любовью. Эти истории, услышанные в детстве, отпечатались в сознании ясной картиной:

*«Пурга, вьюга, метель, а затем ясный купол северного звёздного неба и трескучий мороз. Тишина. Безлюдье. Северное сияние. Секретный объект за полярным кругом...»*

*Страшное напряжение Холодной войны. Война нервов. Экраны радаров, операторы, диктующие сухие цифры движущихся координат. Разлинованные меридианами прозрачные карты-планшеты перед штабными офицерами. За кулисами мы – планшетисты, в зеркальном отражении прорисовывающие масляным мелком на стекле «планшета» маршрут отслеживаемого объекта. Им в любой момент могла оказаться американская ракета...»*

Командиры-фронтовики любили своих солдат, а о дедовщине (неуставных взаимоотношениях) в те годы никто и слыхом не слышивал. Армия для отца была большой семьёй, а эти годы стали опре-

деляющими в его судьбе. Помимо выполнения основных служебных обязанностей он работал в Клубе при Политотделе части, используя навыки, приобретённые в художественном училище. Портреты вождей, плакаты, карикатуры для стенгазет... Ему нравилось, стало окончательно ясно: изобразительное искусство – его призвание. Армейские будни даже не помешали ему готовиться к поступлению в ВУЗ: рисовать друзей, натюрморты, пейзажи и композиции.

Во время службы появилось новое увлечение – Джаз. У папы на территории военной части была своя художественная мастерская, а там даже собственный радиоприёмник. Его любимой радиопередачей стала «Time for Jazz» («Время для джаза»), звучавшая на волнах «V of A» (The Voice of America). На ракетной базе «Голос Америки» не глушили. Бархатистый тембр слов её бессменного ведущего – Виллиса Коновера, на английском языке рассказывавшего о великих джазменах, а затем звуки их музыки... Даже сквозь шумы глушилки, он продолжал его слушать и в Москве 1970-80-х. В армии папа купил первый катушечный магнитофон, записал десятки бобин, основав свою будущую коллекцию музыкальных фонограмм.

Отец продолжал совершенствовать и игру на аккордеоне, концертировал: в клубе части и выезжая на конкурсы самодеятельности. Ещё он стал киномехаником, «крутить кино» его научил армейский товарищ, Лёва Кокуин из Ленинграда, с которым они потом дружили до конца жизни. Тот демобилизовался на полгода раньше,



*Папин брат Юрий,  
начало 1960-х гг.*



*Папа и его первый магнитофон,  
начало 1960-х гг.*

а папа заменил его в кинобудке. Другое увлечение тех лет – коньки, отец стал кандидатом в мастера спорта.

Папа был дружелюбным, общительным, открытым, компанейским и лёгким на подъём. Товарищи его любили. Многие следовали за ним, он легко увлекал своим примером, стилем жизни. Так папин брат, Юрий, вспоминал, что еще в раннем детстве во всём старался походить на старшего, также одевался и причёсывался, даже скопировал его подпись, сменив лишь одну первую букву...

Во время службы в 1961 году папа познакомился с моей мамой, с которой счастливо прожил затем полвека. Неприступная красавица, о партии с которой мечтали все офицеры, была дочерью одного из командиров отца – фронтовика, прошедшего Сталинград и Курскую дугу, военного инженера, майора Алексея Лазаревича Лактионова, который спроектировал вошедшую в учебники переправу через Днестр во время Яско-Кишинёвской операции. Будущий папин тесть был сыном курского однодворца Лазаря Ивановича Лактионова, который служил в личной гвардии императора Николая II в Преображенском полку и в конце XIX века охранял опочивальню четы Романовых.

Вот как мама рассказала мне об первой встрече с папой:

*«Мы впервые увиделись на станции «Оленья». Полярной летней ночью я сошла с поезда. У вокзала стояла красивая скульптура с оленями. Я удивилась яркому ночному солнцу Заполярья. Из военного «Узика» выскочил мне помочь приятный молодой человек –*



*Папа за работой,  
начало 1960-х гг.*



*А. Л. Лактионов.  
Фото 1945 г.*



*Папа и мама,  
начало 1960-х гг.*

*Владик. Не яркий красавец, но скромный, спокойный, культурный. Всю долгую многочасовую дорогу до части, затерянной в сопках, мы проговорили. Он расспрашивал о родной Москве, мы по пути удивлялись грибным полянам – вдоль дороги были россыпи подберезовиков, или других грибов, наслаждались северными пейзажами.*

*Приехали. У КПП меня встретил папа, Алексей Лазаревич, а затем обустроил в своей комнате. Чтобы не скучала целый день, отправил на экскурсию в клуб. Мне всё представлял тоже Владик. Мы снова говорили, делились увлечениями, я сыграла первую часть Лунной сонаты на пианино, стоявшем на сцене, а Владик показывал рисунки и плакаты, рассказывал о своих интересах, хвалился умением киномеханика и своими успехами в игре на аккордеоне. Он готовил концертный номер, через пару дней должен был состояться смотр армейской самодеятельности в Мончегорске».*

В этой поездке к солдатам присоединились офицерские дочери и жёны. Мама и папа всю дорогу ехали вместе и говорили. Отец сыграл на сцене, мама тоже спела экспромтом популярный шлягер под аккомпанемент одного из ребят.

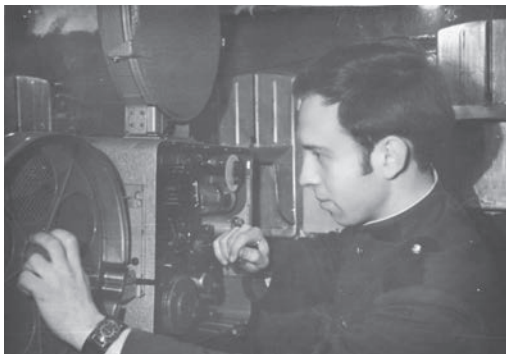
Через неделю она уехала назад, а вскоре увидела в ящике письмо с номером отцовской части и штампом – «бесплатное, солдатское». «От кого это?» Любовь Лактионова, жившая в подмосковном военном городке, окружённая вниманием молодых офицеров, не



*Папа в своей армейской мастерской и на репетиции концерта в клубе части, начало 1960-х гг.*



сразу вспомнила интеллигентного рядового, рассказывавшего в письме про трудные армейские будни и свою любовь к джазу. Она ответила лишь на третье послание. По её же словам, лишь по просьбе её матери, Ксении Тихоновны, которая папу тоже знала. Бабушка сказала: *«Ответь дочка, этот солдатик очень хороший, интересный. Ребятам служить тяжело. Тебе не замуж за него выходить!»* Моя бабушка обладала для неё непререкаемым авторитетом.



*В кинобудке, начало 1960-х гг.*

Мама стала переписываться с «солдатиком», а следующей весной уже с нетерпением ждала каждого его письма, всё больше и больше испытывая к нему тёплые чувства и глубочайший интерес. В одном из писем папа писал: *«Ну что за создание мне пишет письма... Нас сближает какая-то необыкновенная сила и мне кажется – замечательная сила, я ей очень признателен...»*. Папа был романтиком!

В 1962 году он демобилизовался, и родители начали встречаться, часами гулять и общаться. Однажды отец даже просидел всю ночь на станции Баковка, опоздав со свидания на последнюю электричку.

В тёплый день 24 сентября 1963 года влюблённые расписались в ЗАГСе на ул. Грибоедова и поехали гулять на Ленинские горы. С тех пор сложилась их традиция отправляться туда каждую осень...



*Молодожёны  
Владислав и Любовь Ладыгины.  
Ленинские горы, 1963 г.*

## ОТ ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРАФИКИ К ГРАФИЧЕСКОМУ ДИЗАЙНУ

1962 год окончательно определил карьеру Владислава Ладыгина. Он трудоустроился на московский Оформительский комбинат «Продоформление» (впоследствии «Союзпродоформление»), который вскоре станет головным предприятием в разработке промышленной графики для пищевой промышленности СССР. Здесь отец проработает вплоть до закрытия Комбината в 1990-х годах. Он так вспоминал о первых годах своей работы:

*«Моя творческая биография началась в 1962 г. на комбинате, когда я начал выполнять самостоятельные заказы. Комбинат в это время уже завоевал определенный авторитет в стране. Здесь тогда работали такие известные художники-графики, как Залуцкий, Сахаров, Яновский, Лаврентьев и др.*

*Стиль графики в те годы отличался от нынешнего. Практически все работы по художественному оформлению упаковок, этикеток приходилось выполнять от руки, но с довольно высоким качеством. Для художников-графиков это был тяжелый труд. Технические средства тогда не применялись. Но и школа была большая. Старые художники давали нам, молодым, пример настоящего творчества...»<sup>4)</sup>*

Папа начинал свой творческий путь в дизайне, работая художником-конструктором в Макетном цехе Комбината. В его обязанности входила разработка новых видов упаковки и создание объёмных образцов промышленных изделий.

Трудясь, папа продолжил профессиональное образование. Он поступил на художественно-графический факультет МГЗПИ (Московского государственного заочного педагогического института). Здесь ему посчастливилось встретить своего Учителя. Куратором группы и одним из самых его любимых профессоров стал выдающийся советский живописец и рисовальщик А. И. Лактионов. Автор «Письма с фронта», лауреат Сталинской премии, действительный член Академии художеств СССР был единственным из послевоен-

---

<sup>4)</sup> Статья «СОЮЗПРОДОФОРМЛЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВЕДУЩИХ ХУДОЖНИКОВ. Владислав ЛАДЫГИН // Журнал «Тара и упаковка» 1991, №2. Стр. 58-59



*Молодая семья - Владислав и Любовь  
Ладыгины,  
начало 1960-х гг.*



*Студенческая самодеятельность в  
МГЗПИ (папа крайний слева),  
начало 1960-х гг.*

ных мэтров, кто по мастерству мог сравниться с художниками эпохи Ренессанса. Папа вспоминал: *«Лактионов мог нарисовать фигуру натурщика без построения, начав прямо с ногтя ноги, а закончив последним волоском на голове»*. Художественная подготовка у отца в итоге оказалась ничуть не хуже, чем у выпускников Императорской академии художеств! Мама училась в это же время на историческом факультете МГПИ им. В. И. Ленина, решив стать педагогом.

Руководство комбината «Прододоформление» вскоре заметило одарённого молодого художника, по достоинству оценило его талант и мастерство. Владиславу Ладыгину стали поручать заказы в области промышленной графики (так в те годы назывался в СССР графический дизайн). Мама рассказала мне, как её *«поразила филигранная папина первая работа – графика орнамента, сплетённая из тончайших линий, словно кружево»*. Это было оформление упаковки духов для Московской парфюмерной фабрики. К сожалению, мама так и не вспомнила, какой марки был тот парфюм.

В 1967 году на свет появился я, единственный долгожданный ребёнок, всю жизнь окружённый его любовью. Именно он назвал меня Евгением (от греческого слова – благородный).

В 1969 году институт остался для папы позади. Впереди была эпоха, получившая название «Период Застоя», а для папы – эра ярких творческих достижений, работы с самыми известными отечественными предприятиями «Пищёвки» (пищевой отрасли).



*Папа и я,  
начало 1968 года.*



*Портрет сына.  
Рисунок карандашом,  
1972 г.*

Довольно длительный период творчества Владислава Ладыгина в конце 1960 – начале 1970-х годов был связан с московской кондитерской промышленностью, фабриками «Рот-Фронт» и «Красный Октябрь». Одной из его первых работ стало оформление популярной карамели «Птичье молоко».

За ней последовала целая линейка фруктово-ягодных и молочных карAMEЛЕК, батончиков, сахарных и шоколадных конфет, знакомых всем советским сладкоежкам: «Буревестник», «Маска», «Северный мишка» и многие другие, в том числе вафли и подарочные коробки конфет. Кроме того, кажется, его же руке принадлежали конфеты «Грильяж», «Сливовые», «Москвичка» и «Столич»



*Конфетные обёртки (фантики) «Рот-Фронт» и «Красный Октябрь»*

ные», но не могу быть в этом уверен на все 100%, был тогда слишком мал. А вообще, это время было раем для ребёнка – сладости дома не переводились...

После «кондитерки» папа некоторое время сотрудничал с предприятиями мясной промышленности. В длительной командировке он работал на Орском мясокомбинате. Им были созданы товарные образцы мясных консервов «Свинина тушёная», «Говядина тушёная», «Каша свиная – рисовая, – перловая и т.д.». Растиражированные впоследствии другими художниками графичные малиново-чёрные образы стали визитными карточками отечественных мясных консервов.

В 1970 г. папа оформил молочную смесь «Малыш» для детского питания, производившуюся на Истринском молочноконсервном комбинате детских продуктов, а также ряд любимых всеми напитков из ячменя и цикория для Ростовского кофе-цикорного комбината.

И, конечно, нельзя забывать о его настоящем шедевре тех лет, товарном образце, разработанном для Министерства пищевой промышленности РСФСР – Концентрате «Суп вермишелевый с мясом»! Всяк, кто родился до Перестройки, наверняка пробовал этот советский суп быстрого приготовления из пакетика. Это была палочка-выручалочка для холостяков и работающих женщин, продукт был вкуснейшим без глутамата натрия и всякой прочей химии.



Этикетки для консервной промышленности, 1960-70-х гг.

Затем основным направлением творчества Владислава Ладыгина надолго стала консервная плодоовощная продукция. Папа зачастил в командировки по южным советским республикам: Азербайджан, Молдавия, Украина – на предприятия, перерабатывающие овощи и фрукты. В это время он становится одним из ведущих художников в этой области, определяющим тренды...

Сегодня мы с ностальгией вспоминаем продукты советской консервной промышленности: натуральные, без химии и консервантов. Они были оформлены оригинальными этикетками (к сожалению испорченными дешёвой полиграфией). Ходя в магазин, мы часто обращали внимание на папины работы. Его этикетки красовались на трёхлитровых банках соков, бутылках лимонада, на банках кабачковой икры, фруктового пюре и варенья. Мы их все покупали, ели и пили с удовольствием. В те годы им было создано много дизайнов товарных образцов (сотни, если не тысячи этикеток), все их в силу своего малолетства тогда не запомнил...

Хочется привести ещё одну выдержку из папиных воспоминаний, рассказывающую о времени расцвета его творчества:

*«В конце 60-х годов на комбинате появляется новая волна молодых художников, которая дала и новое направление в дизайне упаковки. Стали применяться новые приемы графики, а также некоторые технические средства. Они во многом помогли при выполнении оригиналов. К этой группе художников могу причислить себя и я.*

*Мою работу на комбинате условно можно разделить на три периода. Первый связан с работой над оформлением упаковки на кондитерской фабрике «Рот-Фронт». Второй – работа для консервной промышленности. Здесь много пришлось работать по переоформлению устаревших этикеток и упаковок. Как раз в то время в данной отрасли происходила унификация изделий. Создавались серии этикеток и упаковок на отдельные виды продукции. Правда, и тогда мы еще мало использовали слайды, и приходилось практически всё исполнять в рисованном виде. Порой этикетки и упаковки становились настоящими произведениями искусства. Живопись и графика на упаковке очень высоко оценивались художественным советом комбината. А за рубежом в это время художники упаковки уже работали с цветными слайдами...»<sup>5)</sup>*

---

5) там же, стр.58-59

Действительно, рисовал папа виртуозно, быстро, в количествах, неподдающихся подсчёту. Работал он колонковыми кистями №№ 1 – 5, голландской гуашью «Talens & Zoon» и исключительно на отечественной бумаге «ГОЗНАК» ручной формовки из переработанного хлопка. Помню его настоящие шедевры живописи – рисованные этикетки. Почти все они были исполнены столь реалистично, что их трудно отличить от слайда. Лук, помидоры, огурчики... Appetитные! Хочется съесть.

Интересна папина манера живописи гуашью, которую он активно применял в прорисовке этикеток. Он писал сразу, яркими, ровными заливками, почти открытыми цветами, а затем начинал смягчать тона, размывая поверхность тонами с белилами или с тёмными красками. У него всегда была палитра из молочно белого оргстекла (акрила), «запахканная» целой радугой замесов. Он сохранял на палитре колеры, размачивал их снова и снова, а затем размывал ими поверхность прорисовываемого объекта на листе бумаги. Качественный ГОЗНАК – удивительная бумага. Она позволяет размывать на своей поверхности живописное произведение несколько раз, не ворсясь и не разбеляя цвета.

Папиной «фишкой» часто были заключительные пара капелек на ярком гладком овоще или удары-оживки белилами или темными цветами (как у палехских иконописцев, но не декоративно). В итоге получались потрясающе живые образы. Но, но, но... Отечественная полиграфия убивала всё! Жухлые краски, несовмещённые оттиски, рыхлая бумага... – «потерянное» лицо отечественного дизайна.

Отец никогда это не показывал, но, на самом деле, прекрасно разбирался в теории и практике маркетинга, дизайна и полиграфии, он так сетовал о плачевном состоянии этого сегмента потребительского рынка в СССР:

*«... хотелось бы высказать несколько мыслей о трудностях в нашей работе. Упаковка — неотъемлемая часть любой продукции, выпускаемой на потребительский рынок. Кроме защитных, она еще несёт и рекламные функции. Это давно уже признано во всем мире. К сожалению, только у нас этой функции упаковки до сих пор не придавали никакого значения. Для того чтобы наша упаковка, наконец, вышла на уровень мировых стандартов, нужны современная полиграфия и материалы.*



Фото этикеток конца 1970 – начала 1980-х гг.  
из журнала «Тара и упаковка» 1991, №2

*Даже самые лучшие наши дизайн-графики не могут самовыразиться в полную силу из-за низкого уровня полиграфии. Только оригиналы, отправленные за рубеж, могут достойно соперничать с импортными печатными образцами. Вот в чем беда. Художники вынуждены подстраиваться к нашей примитивной технологии, тусклым краскам, упаковочным материалам низкого качества. »<sup>6)</sup>*

Отец был не только выдающимся рисовальщиком и живописцем, но также и непревзойденным каллиграфом. Он лихо закручивал вензеля с нажимом, прописывал пером и кистью заголовки и логотипы рисованным шрифтом любой сложности. Он любил каллиграфию, но была и весьма неприятная, каторжная часть этой работы – пропись «калек». То, что сегодня любой дизайнер, обладая компьютерной технологией «vision-vising» (визуализация видимого), просто набирает текстом необходимой гарнитуры шрифта с клавиатуры и сразу видит результат на экране, в те времена приходилось писать от руки. Хорошо, если это был крупный шрифт, а текста было немного. А если масса слов и всё мелочёвка? Вот здесь и крылся подвох...

Оригинал-макет товарного образца для полиграфии в те годы состоял из двух частей: собственно живописной (нарисованного образа, фона и рисованных заголовков) и кальки с мелкими текстами, кото-

6) там же, стр.58-59



рые затем должны были набираться металлическим шрифтом уже в типографии в процессе изготовления печатной формы. Эти кальки с будущим петитом прописывались тонким стальным пером № 41 черной тушью и совмещались с рисованным оригинал-макетом, наклеиваясь на картон с едиными приводными метками. Помню, как папа писал миллиметровые, а то и меньшей высоты буквы по разлинованной кальке, вписывая текст в ограничительный фрейм, а левой держал четырёхкратную лупу, как у Шерлока Холмса. Иначе было и не разглядеть... Это не могло не сказаться на его зрении – к сорока годам отец уже носил очки с довольно приличной диоптрией.

Во времена своего расцвета папа в год выполнял сотни этикеток, создавал десятки товарных знаков. Все они были разными. Откуда столько фантазии?

Всю жизнь он не расставался с блокнотом, постоянно зарисовывал пришедшие на ум образы, интересные визуальные впечатления, которые могли стать основой для нового знака, оформления этикетки или плаката.

Помню интересный подход папы к визуализации композиционных замыслов и к их последующей доводке. Он активно применял для этого коллаж. У него было несколько коробочек с цветной бумагой, вырезками из журналов с кусочками шрифтовых заголовков, с декоративными элементами, фотографиями посуды, овощей, фруктов, ягод и т.п. Он многократно перетасовывал их на листе, подрезал, наращивал, постепенно создавая композиционную схему, сбалансированный дизайн-концепт, подходящий для реализации идеи.

Помимо профессиональной деятельности, папа всегда находился в гуще общественной жизни, был комсомольским активистом, затем комсоргом комбината, а в 1973 году вступил в ряды КПСС в Краснопресненском райкоме партии. Партийная работа стала немаловажной частью его жизни, впоследствии он долгие годы был бессменным секретарём парторганизации комбината.

Говоря о работе промышленного графика в 1960-80-х годах нельзя не вспомнить о Художественных Советах, которые были призваны следить за высоким уровнем выпускаемой в свет продукции, в том числе тары и упаковки. Казалось бы, великолепная задумка. Художники, технологи, бухгалтера, администраторы должны были помочь сослуживцам наилучшим образом справиться с поставлен-

ными задачами. Но, ни для кого не секрет, что многие люди завистливы к успеху друг друга и любят поумничать, если им дают право решать судьбы других. Из-за «человеческого фактора» Художественные Советы часто губили на корню новые идеи, выхолащивали произведения искусства до серенького среднего уровня. Помню, каким измочаленным приходил отец после заседания Малого, а ещё сильнее – Большого Совета.

Первый, промежуточный, собирался на Комбинате «Союзпродоформление». Обычно он был доброжелательным, так как состоял из коллег, которые вскоре сами должны были принести на него свои работы. Возглавлял Совет бессменный на протяжении долгих лет директор комбината – Воинов. Он был не художником, а чистым администратором, но, по словам отца, это *«лучший пример советского руководителя, деятельного, контактного, открытого, активного, умевшего постоять за интересы предприятия и его работников»*. В Совет входил также Главный художник комбината. В то время им был Евгений Яцкевич, хороший папин друг. На заседании решалось, можно ли «выпускать» дизайн на суд Большого Совета.

Большой же Совет состоял из людей, большинство из которых были далеки от дизайна и рекламы. Он собирался в головном ведомстве, которому подчинялся Комбинат «Союзпродоформление» – в Министерстве пищевой промышленности СССР. Из числа художников в Большой Совет входили лишь несколько Экспертов.

Критерии были размытыми, результат «экзамена» был субъективен, и оставался на воле случая... Взглядами и мнением заказчиков (предприятий Пищепрома), а тем более конечных потребителей, заседатели Советов практически не интересовались. Зачастую представителей предприятий на Большой Совет даже не приглашали...

Папа всегда находился на хорошем счету, был талантлив, лоялен и неконфликтен, его любили в коллективе, коллеги и начальники уважали его мнение и доверяли его творческому чутью. Во многом именно поэтому его работы проходили Советы практически без замечаний, а часто ещё и с «отметкой», что означало надбавку от нескольких процентов, до половины расценочной стоимости.

Сами расценки на дизайнерские работы, многие из которых были настоящими произведениями искусства, в СССР 1970-80-х гг. были, по правде говоря, смехотворны. В среднем, дизайн поли-

графического оригинал-макета в пищевой промышленности стоил от 10 до 25 рублей, а некоторые этикетки оценивались в суммы и того меньше. Чтобы получать приличную зарплату, нужно было работать очень много.

Но и переработать не удавалось при всём желании. Ещё одним интересным явлением был «потолок» – установленное для каждого рода занятий предельное вознаграждение<sup>7)</sup>. Если художник умудрялся при таких низких расценках наработать больше «потолка», ему всё равно не могли заплатить выше. В дизайне «потолок» был, кажется, около четырёхсот рублей. Папа почти всегда его достигал, иногда ему даже приходилось сидеть в вынужденном отпуске, имея запас фонда заработной платы на следующий месяц.

Отец всегда старался творить в ногу со временем, для чего пристально изучал опыт своих коллег, в том числе и зарубежных. Он постоянно учился на протяжении всей своей творческой карьеры, посещал все отраслевые выставки, просиживал часами в библиотеках и музеях, просматривая журналы и каталоги, посвящённые изобразительному искусству, дизайну, рекламе и упаковке. Особенно папа любил немецкий журнал «Neue Werbung» («Новая реклама»), который выписывал с конца 1960-х годов.

Утолять «информационный голод» ему не мешала даже относительная закрытость Советского общества тех лет. Он находил нестандартные источники информации и свежих идей. Помню, что ими становились даже фантики от импортных жвачек, которые я выигрывал в школе (в те годы у детей это была популярная азартная игра). До сих пор у меня хранится коллекция из трёх альбомов с наклеенными папой на их страницы этикетками со всего мира, выигранных мной у школьных товарищей.

В 1970-х годах папа много путешествовал за рубежом. Первой он посетил Финляндию, где познакомился с полиграфией высочайшего европейского уровня. Один из её примеров, карманную Библию, напечатанную петитом на тончайшей рисовой бумаге, он тайком провёз через границу (это было время последних гонений на церковь в СССР). Папа спрятал книгу в мусорном ведре в вагоне, до-

---

*7) В СССР только труд квалифицированных рабочих не лимитировался по оплате. Помню, что один из наших родственников был ртутным сварщиком, его зарплата равнялась 900 рублей, не считая надбавок за работу на Байконуре. (Прим. автора).*



*В поездке в Финляндию,  
начало 1970-х гг.*



*На предприятии «Podravka», г. Капривница,  
Югославия, конец 1970-х гг.*

став обратно, пройдя таможенно. Пограничники мусорку перетрясти поленились... Затем папа ездил туристом в Польшу и Чехословакию. Приехал расстроившись. Купил в Праге шикарный твидовый костюм, а вечером с друзьями пошёл в кабачок, попробовать жирные свиные сардельки с хвалёным чешским пивом. Ткнул вилкой – фонтан раскалённого сала брызнул на костюм. Думал, что погубил. Ничего, дома отчистили.

Отец вообще был модником, любил красиво и стильно одеваться, следил за внешностью, подбирал аксессуары. Собираясь на встречу с заказчиками или на Совет, он выглядел франтом, «на все сто»... В молодости он был шатеном, обладал, по маминым словам, гривой сильных блестящих темно-русых волос. Сам папа рассказывал, как ему было трудно причесать свои непослушные волосы, как ещё перед армией, поверив рассказу друзей-стиляг, он «набриолинился» сахарным сиропом, который потом едва отмыл.

В новой длительной командировке в Югославии папа сотрудничал с хорватским предприятием «Podravka», выпускающим до сих пор популярную приправу «Vegeta». В командировке ему часто приходилось пользоваться местными авиалиниями из Белграда в Загреб и Капривницу. Он вообще любил летать, вот выдержка из его воспоминаний о перелётах над этой страной:

*«Маленький самолёт, весёлые ребята-пилоты в открытой кабине, оживлённо переговаривающиеся с пассажирами. С кем не*

*заговоришь, все понимают русский. Дружелюбные, открытые. За иллюминатором внизу сплошное лоскутное одеяло, мозаика из разноцветных квадратов полей. Поразили ярко-красные черепичные крыши. Красивая страна...».*

И восхищение предприятием «Podravka»: *«Потрясающий завод – чисто, всё сияет, космическая техника, люди в халатах и масках. Прямо будущее...»*

Отец обладал живым, гибким умом, образным мышлением. Все впечатления, все знания, все размышления, выплёскивались в его творчестве. Прототипами его собственных замыслов дизайнера для упаковок могли стать и привлёкшие внимание композиции в витринах магазинов, и рекламные модули, и картины старинных мастеров, а для товарных знаков – буквы из средневековых манускриптов, лубочные картинки, пиктограммы индейцев майя, китайские иероглифы, увиденные вскользь... Ну и, конечно, ему всегда помогало его умение рисовать, его академическая подготовка, которую не смогли девальвировать никакие технологические приёмы, которые впоследствии упростят работу дизайнера, готовя почву для передачи его функций роботам эры AI (искусственного интеллекта). Этот процесс начался ещё при его жизни...

## **ИЗМЕНЯЯ ЛИЦО СОВЕТСКОЙ ПРОМГРАФИКИ**

1980-е. Заканчивалась Эпоха «Застоя». Пустели магазины, подкрадывался дефицит, наступала «Пятилетка великих похорон». Несмотря ни на что, в эти годы начинался великий поворот в отечественной промграфике и упаковке. Продовольственные товары стали поставяться в магазины в оформленной индивидуальной таре (пластиковых лотках и баночках, картонных коробах, в плёнке), появились современные упаковочные материалы (ламинированный картон, пластик, металлизированная плёнка), за рубежом закупались новые технологические линии. Робкими ростками начинали пробиваться реклама и корпоративный стиль, пусть и в приложении к государственным предприятиям. Владислав Ладыгин оказался на переднем крае...

И снова обратимся к рассказу папы о себе:

*«Третий период своей работы я считаю самым интересным. Технические средства стали преобладать в работе над оригиналами. Производственное объединение «Колос» заключает с нашим комбинатом договор на переоформление упаковок для всей своей продукции. И эту работу поручают мне. В творчестве дизайн-графика, мне кажется, важен и даже необходим именно такой подход, когда всю упаковочную продукцию предприятия поручают оформлять одному художнику. Это дает возможность выработать единый стиль оформления упаковки для всей продукции предприятия.»<sup>8)</sup>*

По совету одного из коллег, художника Маркина, папа в начале 80-х годов начинает применять при создании оригинал-макетов фотоколлажирование. Сотрудничая с московским Промышленным объединением «Колосс», отец нащупывает опытным путём новый метод, который позволил ему полностью отказаться от каллиграфии и бессмысленных повторов в декоре – он стал составлять оригинал-макеты из напечатанных фотофрагментов: шрифтов и графических образов.

Папа обзавёлся в те годы отличным фотолабораторным оборудованием: купил два крупноформатных профессиональных польских фотоувеличителя «Krokus Color 4 SL» с функцией контактной печати, запаса отечественной промышленной технической фотобумагой и листовой технической плёнкой высокого качества, голландской жидкой акварелью «Ecoline», производства Royal Talens, для раскраски фотобумаги и плёнки.

Всё было очень сложно, но интересно. Помню, как отец запирался в фотолаборатории и «колдовал». Оригинал-макет собирался из вырезок (напечатанных чёрно-белых литер и элементов оформления), наклеиваемых резиновым клеем на монтажный лист. Иногда их приходилось отклеивать, перемещать. Для этого папа всегда хлил и лелеял специально заточенный определённым образом ноготь на указательном пальце левой руки – «рабочий инструмент», которым он подцеплял краешки наклеек. Промежутки между ними закрашивались белилами или чёрной гуашью, а затем сборка переснималась фотоувеличением на высококонтрастную плёнку. Последняя

---

8) там же, стр.58-59

ретушировалась черной тушью или процарапывалась (при необходимости), вновь экспонировалась на бумагу, проявлялась, фиксировалась, а затем полученная распечатка расцветивалась красками.

В композициях отводилось место для слайдов или живописных изображений (в макет они помещались в ч/б варианте, а цвет вводился уже при цветоделении форм в типографии)...

Для копирования использовалась контактная фотопечать. Сначала картинка экспонировалась через объектив на листовую фотоплёнку нужного размера, а затем уже через неё производилась зацветка фотобумаги яркой лампой. И так повторялось в необходимом количестве экземпляров.

Эта кустарно выглядящая на сегодняшний день технология тогда очень облегчила труд художников-промграфиков. Постепенно так стали работать и многие папины коллеги, а в США и Европе в те годы дизайнеры уже всю применяли переводную летрографику (летрасет) и фотонаборные автоматы... В СССР того времени на такую «экзотику» валюту не отпускали.

Применяя «фотоспособ», как Владислав Ладыгин называл свой новый метод, в сотрудничестве с технологами Промышленного объединения «Колосс» он создал в 1980-90-х годах целые серии упаковок: заварных кремов, концентратных супов, картофельных котлет и биточков, замороженных порционных блюд (мясные гуляши с кашей, картофелем и т.п.), полуфабрикатов и других пищевых продуктов.

Среди этих работ был и его очередной шедевр-бестселлер, который помнят столь же хорошо, как и «тот самый чай» со слоником. «Колосс» взорвал рынок новым продуктом, оформленным папой, – это был «Чай Бодрость» в металлизированном ПЭ пакете. За ним гонялись, сразу замечали. Упаковка была построена на основе цветного слайда и шрифтовой композиции. Вполне современно она выглядит даже сейчас, спустя четыре десятка лет! А я помню, как папа расстав-



*Пакет Чая «Бодрость»*



*Фото этикеток конца 1980 – начала 1990-х гг.  
из журнала «Тара и упаковка» 1991, №2*

лял натюрморт из нашей домашней посуды, а также заимствованной у друзей, как его друг, фотограф Шепелев, долго примерялся к папиному композиционному замыслу. «Сладкий реквизит» потом съели, заварили и образец «Чая Бодрость» из пробника без оформления...

Работая с ПО «Колосс», отец постепенно разработал полный комплект атрибутов оформления (от логотипа до брендированной упаковочной бумаги) для этой компании, чья продукция становится узнаваемой вне зависимости от сегментов продовольственного рынка, куда она поставлялась. С этого момента папа станет энтузиастом дизайна фирменного (корпоративного) стиля, продвижению идей которого поможет его вес в творческом и партийном сообществе.

В. В. Ладыгин был передовиком производства, ветераном труда, обладателем многочисленных министерских грамот, премий и



поощрений... Его ценили на партийной работе, не раз приглашали стать инструктором в Краснопресненском райкоме КПСС, рекомендовали в главные художники комбината «Союзпродоформление», а затем и на должность его директора.

Но папа был чужд тщеславия, он высоко ценил свою творческую свободу, возможность располагать личным временем и работать на дому. Он последовательно отказывался от продвижения по лестнице партийно-хозяйственной номенклатуры, зато ему всегда поручали ответственные проекты.

Перед Олимпиадой-80 по заказу Министерства пищевой промышленности СССР отец создал одно из самых любимых своих произведений – Хрустящий картофель «Московский» (новые советские чипсы со стилизованной лубочной картинкой). Эта упаковка должна



*Фото пакетов 1980 – начала 1990-х гг.  
из журнала «Тара и упаковка» 1991, №2*

была сменить казавшуюся устаревшей космополитную версию «с девочкой». В эти годы в мире в моду начал входить аутентичный дизайн, в СССР эту тенденцию заметили. Перед папой была поставлена задача создать упаковку в русском стиле. Работу приняли с отметкой, а новые чипсы сразу попали в список дефицитных товаров!

Кажется странным, что этот его великолепный товарный образец в национальном стиле, где на фоне схожей с иконографией архитектурной композиции танцевали скоморохи, не прижился, а царствовать на отечественном рынке осталась лишь «девочка»... Наверное, потому что жухлую жёлто-коричневую «школьницу» было легче воспроизвести в отечественной печати, а плёнку с ярким папиным дизайном изготавливали за твёрдую валюту в Финляндии, чтобы не ударить в грязь лицом перед иностранцами, приехавшими в Москву посмотреть на спортивные состязания и достижения народного хозяйства Советского Союза.

В эти же годы начался ребрендинг Министерства Плодоовощного хозяйства СССР. Это был один из первых в стране крупномасштабных опытов оформления «под ключ» одним художником всесоюзного предприятия (фактически, целой отрасли). Эта ответственная задача была поручена моему отцу, к тому времени признанному специалисту по разработке корпоративного стиля.

Владислав Викторович Ладыгин разработал для Минплодоовощхоза СССР всё: торговую марку и логотип, стиль оформления всего ведомства, его подразделений и подведомственных производственных предприятий, элементы оформления документов, рекламнопрезентационных материалов, автопарка грузовиков, в т.ч. инфографику для офисных интерьеров и выставочных стендов и, конечно, сотни образов новых упаковок. Мне тоже удалось «приложить руку» к этому проекту, папа поручил мне «ответственную работу» – я раскрашивал гуашью кузова автомобилей на 40 оригинал-макетах для региональных автопарков для утверждения на коллегии Министерства. Отец не успевал всё сделать сам. Торопились сдать к очередному празднику – «Встречный план», так сказать. Успели.

Это была работа по прямому договору. Сотрудничать напрямую с предприятием, минуя Художественный совет, было проще, но без поддержки руководства Комбината и Министерства пищевой промышленности СССР оказалось чревато проблемами. Сумма гонора-

ра показалась заказчику слишком большой, хотя смета была принята заранее. Своя рука владыка, расценки одним росчерком министерского пера понизили почти на порядок. Рисованные этикетки расценили в смехотворную сумму, по 3 – 6 рублей за товарный образец, чуть ли не по себестоимости материалов, хорошо хоть голландскую гуашь и бумагу ГОЗНАК выдавали на комбинате художникам бесплатно, не то работа была бы себе в убыток. В итоге: почти полгода работы и 3 000 советских рублей гонорара (\$ 4 700 по официальному курсу \$ 1 = 64 копейки). Для сравнения, ребрендинг PepsiCo, значительно меньший по объёму разработки и сложности дизайн-концепции, обошёлся транснациональной корпорации в кругленькую сумму \$ 1 000 000 ...

Папе было обидно. В особенности за слова бухгалтера Минплодоовощхоза, который, редактируя договор, сказал нечто типа: «Мы и сами такое сделали бы...». Единственный раз, пожалуй, папа позволил себе тогда выйти из себя: «Ну и сделали бы сами, что же художника приглашали?».



*Модель грузовика с фирменной символикой Минплодоовощхоза,  
1980-е годы.*

Примерно в это же время Владислав Ладыгин разработал для консервной промышленности обширные серии этикеток стеклянных порционных баночек детского питания. Знаковая графичная девочка, изображённая в центре этикетки, стала узнаваемой визитной карточкой этого класса продуктов, её в различных модификациях повторили затем многие его коллеги.

После Олимпиады-80 (год точно не помню, но не позже 1985-го) отец отправился в морской круиз вокруг Западной Европы (Германия, Дания, Голландия, Франция, Англия, Норвегия, Швеция и Финляндия). Получение разрешения на выезд в такое длительное и содержательное путешествие по кап. странам стало оценкой значимости его работы и очередным бонусом партийной лояльности.

Поездка в Европу для него была не просто отдыхом, она явилась кладезем впечатлений и дала очередной толчок творческому развитию. Папа рассказывал: *«Все бегали по магазинам, пытаюсь купить как можно больше дешёвых западных товаров на скромную сумму официально разменянных денег в \$ 70 (больше законно вывезти было невозможно). Я в создаваемых советскими туристами очередях в европейских супермаркетах, в давке кричащих: «Кончается!»», приводя в изумление не привыкших к такому продавцов, не стоял».* В это время, пристально наблюдая визуальную культуру «загнивающего» Запада, он ходил по магазинам, гостиничным офисам, турбюро. Он собирал рекламные полиграфические материалы, каталоги, проспекты,



*Фото с Доски почёта  
Краснопресненского райко-  
ма КПСС, конец 1970-х гг.*



*На выставке в Белграде,  
Югославия,  
конец 1970-х гг.*



*В порту Роттердама,  
начало 1980-х гг.*



*На экскурсии в Гамбурге,  
начало 1980-х гг.*



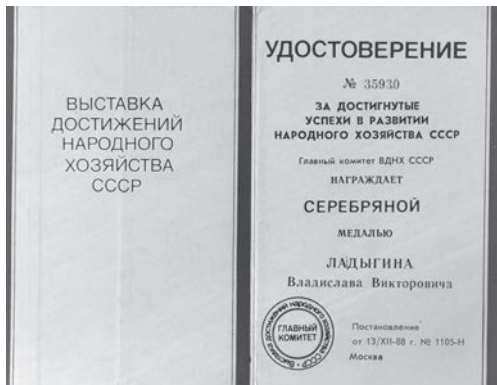
*На набережной Темзы в Лондоне,  
начало 1980-х гг.*

листочки, визитки... Этого «добра» он привёз целый чемодан, а ещё десятки отснятых на камеру киноплёнок, сотни слайдов и впечатления – он вдоволь насмотрелся на упаковки, инфографику, дизайн городской среды, оформление витрин и товаров. Его работы с этого времени идут в ногу с мировыми трендами, а иногда даже опережают время, ведь папа был настоящей творческой личностью...

С начала 1980-х годов отца можно уже по праву называть графическим дизайнером, а не только промышленным графиком. В 1987 году был образован Союз дизайнеров СССР, папа стал одним из первых его членов. Не раз он участвовал в отраслевых выставках в составе авторского коллектива комбината «Союзпродформление», а



*У Эйфелевой башни,  
начало 1980-х гг.*



*Удостоверение лауреата Серебряной медали  
ВДНХ, 1988 г.*



*Папа на выставке комбината «Союзпродоформление» в середине 1990-х гг.*

также в выставках Союза дизайнеров, в том числе на ВДНХ. За достижения в области промышленной графики и дизайна в 1988 году В. В. Ладыгин был удостоен серебряной медали ВДНХ СССР.

В разгар Перестройки в Москву зачастили гости из-за рубежа. Так и в «Союзпродоформление» с товарищеским визитом в 1988 или 89 году прибыла делегация представителей крупных рекламных агентств из США. Папа рассказывал, как наши художники поражались на «саммите» широчайшим техническим возможностям заокеанских коллег, а те, в свою очередь, дивились на высочайший уровень художественного мастерства советских художников, были в шоке от их мизерных зарплат. Наши попытались пересчитать, получилось, что американцы получали в день больше, чем наши за пару-тройку месяцев. Американцы предлагали переехать на работу в США. Впоследствии, многие из папиных коллег так и сделали.

Почему же один из ведущих специалистов в дизайне упаковки для пищевой промышленности и в корпоративном стиле, Владислав Ладыгин, не уехал на Запад, где его приняли бы с распростёртыми объятьями? Отчего даже ни разу не помыслил иммигрировать за границу? Он мог по достоинству оценить тамошние финансовые возможности и свободу творчества, ибо всегда интересовался мировыми тенденциями в дизайне и ИЗО, любил жить и работать с удобством и комфортом, видел нарастающие домашние неустройства, едва ли не голод маячил...

Отца нельзя было назвать ортодоксальным коммунистом, несмотря на его долгий партийный стаж и безупречный послужной

список. Идеология здесь не причём. Зато он точно был убеждённым патриотом России и всего русского. Его кумирами были отечественные живописцы, любимыми местами – красоты Москвы и коренной Российской глубинки, он старался украшать и строить свой быт в русских традициях, читал открытую в Перестройку православную литературу, носил крестик и даже писал иконы...

На рубеже 1980 – 1990-х годов папа активно сотрудничал с «Моспищекомбинатом». Это предприятие одним из первых в стране осваивало выпуск современных продуктов экструзионной технологии, пищевых концентратов и сухих продуктов, в том числе для детского питания. Отец разработал для комбината несколько серий пакетированных быстрорастворимых напитков с фруктово-ягодными вкусами «Инвайт» под плашечную печать, сухих заварных кремов, киселей под флексопечать на плёнке, а также дизайны популярных сухих смесей для детского питания и привычные советскому покупателю образцы упаковок кукурузных палочек и коробочек с растворимым кофе.

Главный технолог «Моспищекомбината» Татьяна Фёдоровна Роеенко так вспоминает время работы с отцом:

*«В те годы с предприятием сотрудничали несколько художниц «Союзпродоформления» и Владислав Викторович. Это был не просто профессионал, но и удивительный человек. Он соответствовал своей работе, всегда был подтянут, высококультурен и галантен, при встрече целовал руки. Наши женщины всегда спрашивали, когда он должен был приехать. Все тогда на земле работали, на огородах, что с руками было!.. Мы всегда готовились к встрече с ним загодя, делали маникюр, чтобы выглядеть соответственно...»*

В начале 1990-х НПК «Крекер» и ПО «КОЛОСС» запустили массовое производство кукурузных хлопьев, колечек, рисовых шариков, злаковых подушечек с начинкой. Первое оформление для них, в том числе с привычным «Незнайкой», разрабатывал мой папа. «Готовые завтраки» и снеки выпускались под не прижившимся технологическим названием-аббревиатурой «СПЭТы» (Сухие продукты экструзивной технологии). Ставшие для современного потребителя нормой здорового питания продукты тогда были новинками, которые пользовались бешеной популярностью. В эти же годы отцом были созданы товарные образцы упаковок для крекеров (сухого печенья и галет), вермишели и макаронных изделий. И снова, одновременно с упаков-

ками, папа разработал для НПК «Крекер» и полный комплект атрибутов фирменного стиля. Мнемоники оказались живучими. Папины дизайн-концепты предприятие с успехом использует в рекламе и оформлении упаковки вот уже три десятка лет...

В первой половине девяностых годов XX века фирменный стиль стал, пожалуй, основным полем деятельности Владислава Ладыгина. В это время новые предприятия росли в стране как на дрожжах, рынок был перенасыщен заказами. Он так лихо справлялся с созданием всё новых и новых, совершенно непохожих друг на друга товарных знаков и элементов корпоративного оформления, что стал одним из признанных авторитетов в этой области в стране.

Главный технолог-менеджер комбината «Союзпродоформление» Ирина Юрьевна Ниссенбаум, занимавшаяся распределением заказов среди художников, почти всегда поручала создание новых товарных знаков и логотипов моему папе. Она отмечала, что *«всегда была уверена в его надёжности, творческом успехе, уровне и качестве выполнения и представления работы»*.

Действительно, папа всегда немало внимания уделял оформлению подаваемых заказчику материалов. Некоторые его коллеги-художники просто сдавали лист с оригиналом, а отец всегда наклеивал оригинал-макеты на картон с калькой, паспарту и кавером, сопровождал иногда даже не требовавшимися примерами использования. Всё было аккуратно, стильно, презентабельно.

Владислав Викторович Ладыгин за эти годы оформил больше сотни брендов, разработав для них полный комплект элементов фирменного стиля, иногда возвращаясь к любимой теме этикеток. Многие из торговых марок, созданных им в те годы, по сей день продолжают использоваться компаниями-лидерами рынка. Среди таковых: уже упомянутый «Крекер» (сухие продукты и кондитер), Ликёро-водочный завод «Топаз», «Мослабумиз» (тара и упаковка), «Аронап» (кофе-цикорные продукты)...

Графика знаков и подбор шрифтов для логотипов у отца отличались лаконичностью, жёсткостью, техничностью и современностью, образы получались броскими и запоминающимися. Изображения торговых марок становились символами, точно отражающими специфику деятельности предприятий. Она прочитывалась даже при совершенно абстрактном, на первый взгляд, их облике.





МОСГОРАГРОПРОМ  
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ  
ОБЪЕДИНЕНИЕ



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО  
ПРИЛЕКОМБИНАТ

ОРСКИЙ



ТЕТЕРИНЪ КАУЧУК  
TETERIN'S COMPANY



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОСВЕТА



ОБДОРСКИЙ  
КОМБИНАТ



JOINT-STOCK COMPANY

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

СУПЕР АК



АО

МОСЛАМБУМЛИЗ



КОНРОС

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО  
ЗАКРЫТОГО ТИПА



ТОО «ТОПАЗ»



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ  
ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ



ВАТЕЛ



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

МАРКЕТ



JOINT-STOCK COMPANY

АЛБУМИН



АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Товарные знаки и логотипы 1970-90-х гг.



**Магпа**



АССОЦИАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ  
ПЛОДООВОЩНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И  
КОНСЕРВНОКОДОВОЩИ



Акционерное общество



МАЛОЕ ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ  
„СОЗИДАТЕЛЬ“



АО „ПЛОДОПИТОМНИК.“



АО ВИНСЕРВИС



АО ЧАЯРОВОЩНАЯ ФАБРИКА

**МЕГАЧАЙ**



JOINT-STOCK COMPANY  
**EURO-ASIAN  
TRADE COMPANY**



**SPARKS INTERNATIONAL LTD.**



STATE ENTERPRISE  
**НЕФТЕБУР**



**АВТОСЕРВИС**

DP  
**YESSENTUKSKOYE**



ОУ СОЛНЕЧНОЕ



JOINT-STOCK COMPANY  
**City Industrial Company**

*Товарные знаки и логотипы 1970-90-х гг.*

В отличие от современных дизайнеров, кто часто, практически не заморачиваясь, «лепит» логотипы из готовых наборных шрифтов, папа немалую часть логотипов отрисовывал вручную, придумывая собственный шрифт или ловко трансформируя существующие, да так, что первоначальная графема литер изменялась до неузнаваемости. Таковы, например, логотипы «Крекер», «Аскон», «Мосламбумиз», «Казак Уральский», «Лина», «Мегачай», «Магра» и многие другие.

В 1992-93 годах папа создал упаковку витаминного напитка «Золотой шар», а затем «червячка» – товарный знак производившего его отечественного научно-производственного предприятия «Валетек Продимпэкс». С основателями этой компании он дружил до конца жизни. Это были заслуженный деятель науки России, профессор Института питания РАМН В. Б. Спиричев (1930-2018), его дочь, Т. В. Спиричева, и профессор Международной промышленной академии Л. Н. Шатнюк. Людмила Николаевна поделилась при подготовке этой книги своими воспоминаниями о совместной работе и дружбе с папой, хочется привести выдержки из них:

*«Судьба свела меня с ним более 30 лет назад, когда мне с моими коллегами необходимо было решать вопросы чисто практического свойства: как назвать свою компанию, какой логотип и торговую марку разработать, какую цветовую гамму выбрать для того, чтобы потребитель продукта не прошел мимо, чтобы окружающим было понятно, чем мы занимаемся, какую полезную продукцию мы собираемся произвести и т.д. И у истоков этой работы стоял вместе с нами Владислав Викторович, художник-оформитель, который занимался созданием дизайнов упаковок, рекламных материалов различных пищевых продуктов на крупнейших предприятиях отрасли. Это были сказочные сюжеты, пейзажи, натюрморты, созданные рукой высокого*



**Валетек®**  
ВАШ ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ

*Дизайн напитка «Золотой шар» и логотип компании «Валетек-Продимпэкс», 1993 г.*

профессионала и сделанные с большой любовью к человеку – ребенку, матери, взрослому мужчине, пожилым людям.

Вместе с Владиславом Викторовичем мы побывали на Московском пищевом комбинате, Бирюлевском экспериментальном заводе, с которыми сотрудничал художник. Эти



Слева-направо:  
Папа, Л. Н. Шатнюк, В. И. Покрышкин,  
В. Б. Спиричев, 2002 г.

посещения помогли нам в дальнейшей деятельности при создании собственного производства продуктов здорового питания...

Владислав Викторович входил в плеяду известных российских художников. Его живописные полотна, разнообразие сюжетов отличали доброта к родным краям, к человеку, к зодчеству. Весь внешний облик Владислава Викторовича свидетельствовал о том, что перед тобой – представитель творческой интеллектуальной элиты нашего общества. У меня дома висит одна из последних работ Владислава Викторовича «Зимний пейзаж», которую он написал для меня специально ко дню моего рождения в январе. Его внимание к своим друзьям, знакомым, единомышленникам – это отличительная черта творческого доброго человека, память о котором навсегда останется в наших сердцах».

В 1970-90-е годы не ослабевает интерес папы к живописи, в которой он объясняется в любви к родным русским мотивам. Он много времени посвящает этюдам на природе, пишет очаровательные пейзажи с натуры в Москве и в Подмоскovie (Баковке, Переделкино, Измайлово, Кусково), в Курской области и, конечно, вокруг своей дачи в деревне Гавшино. Владимирские просторы, Залесье, река Малый Киржач, луга, леса на десятки километров, поля и деревенские домики...

Папа писал маслом в лучших традициях Русской школы, его живописное творчество близко к передвижникам. Иногда его пейзажи

столь же ярки и импрессионистичны, как у Коровина, иногда сдержаны, как у Саврасова или Поленова. Папа работал и над портретами родных и друзей, играючи, лихо схватывая образ, сказывалась школа А. И. Лактионова.

Папа писал масляными красками на светлых водоэмульсионных грунтах, на фактурном картоне и столь же фактуристом холсте из грубой ткани. Растворитель (обычно «Пинен») им использовался чаще, чем масло или лак. Он любил, чтобы работы просыхали быстро, дабы, при необходимости, поправить схваченные на пленэре образы дома. Это немного «засушивало» картины (потом он это компенсировал лаковым покрытием). В живописи папа использовал также льняное масло и акрил-фисташковый лак. Из кистей он предпочитал флейцы средних номеров, в основном щетиновые, исключительно натуральные, а мелкие детали прорисовывал колонком №№ 3 – 5. Иногда он процарапывал торцом кисти белое (например, стволы берёзок на дальних планах). Изредка жесткие мазки делались им прямо мастихином.

Он обращался иногда и к пастели, в особенности в работе над портретами, используя тонированную крафтовую бумагу тёплых оттенков. Не забывал папа и акварель. Он пользовался только «Ленинградскими» красками, беличьими и колонковыми кистями ручной вязки от Художественного фонда СССР, а из бумаги для акварели он всегда предпочитал ГОЗНАК, как и в работе гуашью.

В 1994-95 годах совместно с отцом мы выполнили интересную серию раскрашенных акварелью имитаций под цветные гравюры для оформления популярного тогда индийского Ресторана «Дарбар», находившегося на Ленинском проспекте в Москве. Все они были стилизованы под Викторианскую эпоху. Я отрисовывал композиции пейзажей и выполнял рисунок несмываемой шеллачной тушью на всех полотнах, а папа подкрашивал их акварелью и строил многофигурные жанровые композиции, а также писал акварелью портреты индийских правителей. Форматы были нестандартными, некоторые крупноваты для графики на бумаге: две картины имели габариты под два метра. Заказчики лихих девяностых «страдали» гигантоманией...

В этих работах вновь проявился отцовский дар акварелиста и рисовальщика. Было чрезвычайно интересно работать в паре с мастером. Несколькими линиями он мог передать портретное сходство



*В. В. Ладыгин в ресторане «Дарбар» у наших картин, середина 1990-х гг.*



*Оформление Ресторана «Дарбар» в Москве.*

лица индийской принцессы или Великого Могола с оригиналами, лёгким мазком акварели оживить тяжеловесного слона...

В середине 1990-х годов, когда в мире дизайна стало невозможно обходиться без компьютера, отец купил свой первый PC и быстро освоил прикладные дизайнерские приложения. Его новые работы делались привычным современному дизайнеру способом – инструментарием Corel Draw, Adobe Photoshop и Illustrator.

В это время папа активно сотрудничал с индийской корпорацией Limtex. Он создал для её дочерних компаний в России целую серию упаковок индийского и цейлонского чая под популярными в те годы брендами «Sparks», «Sunwell», «Tosh's».

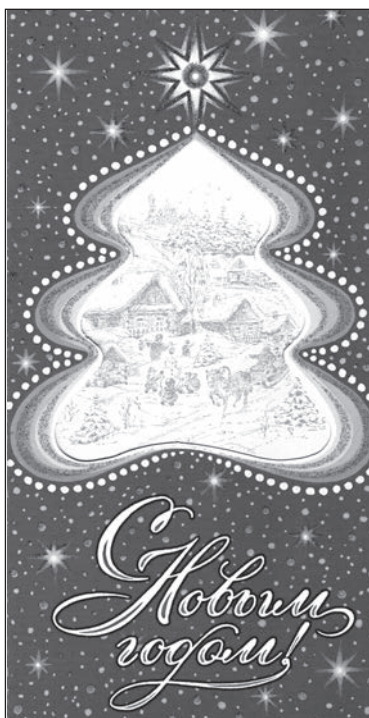
Папа продолжал работать и с крупными отечественными предприятиями. Среди них Кондитерская фабрика «Красный Октябрь», НПК «Крекер» (сухие завтраки), компании: «Русский продукт» (пищевые концентраты), «АРОНАП» (кофе-цикорные напитки), «Мега-Кола» (прохладительные напитки) и многие другие. Многие из его разработок тех лет украшают полки магазинов по сей день.

Интересная серия пищевой упаковки для батончиков, конфет и вафель была им выполнена для компании «Торгсервис». Это были шуточные «зеркала» привычных покупателю брендов «Рот-Фронт», «Бабаевский» и др. Среди них были даже продукты с хулигански выглядящими логотипами.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов отец решил заняться рисованной открыткой. Для ряда частных предприятий и Почты России в сотрудничестве с Издатцентром «Марка» Минсвязи РФ им были созданы популярные в те годы поздравительные открытки к праздникам и приглашения. Мягкие рисованные образы ностальгически отсылают своих потребителей к традициям 1950-60 гг. Мастерски прописанные от руки шрифты дополняют впечатление.



*Дизайн чайных коробочек для компании Limtex, первая половина 1990-х гг.*



Открытки и приглашения начала 2000-х гг.



Не забывал папа и Фирменный стиль, продолжая разрабатывать всё новые и новые товарные знаки, логотипы, дизайны бланков, визиток и рекламно-презентационных материалов. В те годы отец разработал фирменный стиль Института экономики и предпринимательства (ИНЭП), а также серии этикеток для Кондитерской фабрики «Ермолино» и бренда минеральной воды «Мега-кола». В этих работах его талант проявился, соответствуя эстетике цифровой эры.

В тот же период папа, между делом, помог мне выполнить нестандартный заказ – гигантское панно для Мытищенского яхтклуба. Его основатели захотели видеть в зале заседаний состаренную под конец XIX века графическую имитацию эстампа габаритами 1,2 x 4 метра! На нём должен был быть изображён вид здания этого клуба, стилизованный под эпоху Российской империи, с соответствующим антуражем (старинными яхтами, ретро-автомобилями, прогуливающимися дамами и их кавалерами). Для меня, пейзажиста, работа над постановкой фигур всегда была обременительной, а для папы – зашёл в гости на пару часов, попил со мной чайку, похвалил композицию, покритиковал нарисованный мной стаффаж, пара лёгких правок, росчерков карандашом, и всё – готово... фигурки встали на местах, как живые, даже с настроением на лицах. Осталось лишь проложить пером светотень.

Папа посоветовал мне тогда применить ряд приемов для «старения» работы: тонировать лист чаем, положив планшет почти горизонтально, чтобы получились подтёки и лужицы, набрызгать пятна столярной морилкой, маслом и тёмным лаком, подпалить утюгом и т.п. Правда, последний штрих, а именно – натирание пылью из пылесоса и задиры наждачкой, я придумал сам.

Отец вообще был великим специалистом в технологии живописи и рисунка. Он мог проконсультировать по любым профессиональным вопросам, в том числе и рассказать о секретах старых мастеров. Но он никогда не задавался, был готов выслушать разумную критику, а затем воспользоваться полезными советами для своего творческого роста, навсегда научив меня следовать этой традиции.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х в оформительском искусстве широкое распространение получило использование шаблонов вёрстки (Templates), векторных заготовок (Clipart) и изображений из фотобанков. Это были и полезные дизайн-концепции

(основы) для оформления продукции и картинки, например, слайды и рисунки овощей и фруктов, инструментов и т.п. Были и векторизованные товарные образцы существующих упаковок, плакатов, знаков, эмблем, логотипов и т.д., и вот ими-то дизайнеры того времени стали пользоваться не всегда корректно, часто доходя до откровенного плагиата, используя доступность готовых изображений. Из-за такой практики многие работы в области графического дизайна стали походить друг на друга, как две капли воды.

Так, мы с папой долго потешались, смотря на торговую марку одного известного отечественного мясокомбината, чью продукцию мы покупали, несмотря ни на что, – она вкусная. В качестве логотипа они используют образ, который, как мы выяснили случайно, просматривая Corel Gallery 5, является эмблемой одного из американских министерств. Мы даже написали письмо руководству этой компании, но совет сменить товарный знак, рекламирующий заокеанских бюрократов, они проигнорировали...

Владислав Ладыгин к горе-плагиаторам не относился. Появление широких возможностей для комбинаторики, предоставленных компьютерной техникой и доступностью визуальной информации в сети Интернет, нисколько не помешало папе применять в дизайне свой дар художника.

Одной из часто цитируемых отцом историй был разговор Репина с фотографом. Когда фотожурналист, приехав снимать мэтра для газеты, начал объяснять технические сложности фотографирования,



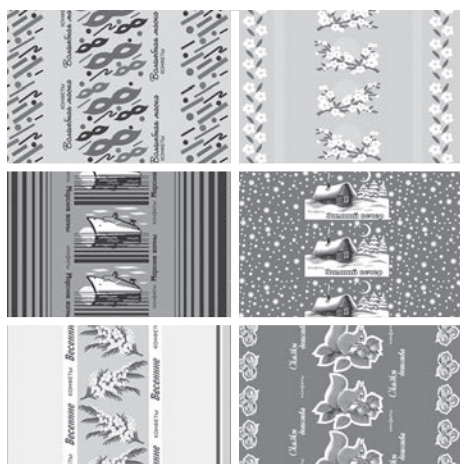
*Серия упаковок специй под брендом «Домашняя кухня» компании «Интерпекарь», выполненные в соавторстве со мной в 2004-2005 гг.*

Илья Ефимович воскликнул: «*А не проще ли взять холстик и написать!*» Вот и папа, когда это было уместно, продолжал рисовать, а затем сканировать и помещать свои произведения в электронные макеты. Он изображал орешки и белых мишек, и вставлял в конфетные обёртки, а фрукты и овощи, аппетитное мясо и рыбу – в этикетки...

Иногда мы работали вместе. Так, в творческом содружестве с папой, в начале 2000-х гг. нами были оформлены масштабные серии ностальгических рисованных упаковок специй «Домашняя кухня» для компании «Интерпекарь». Маленькие натюрморты, написанные им гуашью в его классическом стиле на основе моих композиционных набросков и серийного дизайна, были просто очаровательны и технически безупречны.

Созданные затем совместно образы бутылочек-матрёшек стали узнаваемым лицом питьевых йогуртов Орловского молочного комбината. Таких красивых, оригинальных и стильных йогуртов ещё никогда до того, и никогда после не видел отечественный молочный рынок (мое личное мнение, никому его не навязываю).

Это были, пожалуй, последние крупные дизайнерские проекты с папиным участием. Отпраздновав шестидесятилетие, отец постепенно отошёл от дел, предпочтя пенсию и семейную жизнь спокойной практике современного дизайнера.



Конфетные обёртки для компании «Торгсервис», конец 1990-х гг.



Йогурты-матрёшки «Орлов», выполненные в соавторстве со мной в 2007 году.

## СЕМЬЯНИН И ОТЕЦ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Папа и в профессиональной деятельности, и в быту был человеком редкой работоспособности. Он ни на минуту не присел просто так за всю свою жизнь, за исключением долгих банных процедур и чаепития за самоваром – двух его любимых видов отдыха. Но это не значит, что в его жизни не было ничего, кроме работы. Чтобы его образ был полным необходимо рассказать и о его домашних увлечениях, семейной жизни и таланте Отца-воспитателя.

Первые мои воспоминания о нём, как и все события раннего детства, конечно, отрывочны. Девятиметровая комната в квартире моего деда. Мама за проверкой ученических тетрадок у торшера, свет настольной лампы и силуэт за рабочим столом: художник-график, корпящий над тонкой работой – этикетками, оригинал-макетами для полиграфии – папа. Он с тех пор всегда работал дома, на моих глазах создавались шедевры. Всегда рядом со мной был простой на первый взгляд человек, а на самом деле – необыкновенный...

Основой отцовского характера было спокойствие, а его сознание носило созерцательный, философский характер. Папа все делал сосредоточенно, размеренно, не отрываясь. Он никогда не ярился, не ломал вещи, ни разу я не услышал, чтобы он использовал ненор-



*Мама, я и папа, 1974 г.*

мативную лексику. Надёжность... Теплота... Интеллигентность... Такой темперамент несколько не мешал ему быть деятельным и общительным. Помню, как он заряжал всех вокруг своим хорошим настроением, его доброжелательность и отзывчивость.

Другое воспоминание: солнце, весна, переезжаем в собственную кооперативную квартиру в спальный зелёный тогда район с красивым названием Новогиреево. Сажу между тюками на заднем сидении. Папа за рулём (до конца дней он был автолюбителем). Приехали, обустроиваюсь в своей комнате... А затем: день за днём вижу в соседней всё тот же папин силуэт, склонившийся за рабочим столом...

Папа любил меня без оглядки, я был его долгожданным сыном. Он никогда не повысил на меня голоса, не наказал. Несмотря на повседневную работу в поте лица, отец всегда находил часы для общения со мной. Он всегда хотел, чтобы я стал художником... Помню подарки с умыслом: профессиональные краски и пастель, карандаши, фломастеры, блокноты... Их он, кстати, собирал, наблюдая за моим творческим ростом.

Помню первые уроки моего первого учителя, которым стал для меня отец: папа рисует, папа помогает рисовать мне, папа советует и рекомендует... Он всегда что-то объяснял, показывал, делал вместе со мной, если я не понимал с полуслова, находил для меня самых лучших педагогов.

В 1982 году папа отвёл меня заниматься к своему знакомому, В. А. Синёву, преподавателю училища памяти 1905 года, опытному рисовальщику, ученику Горюшкина-Сорокопудова, любимого ученика Репина. Именно папе и Виктору Афанасьевичу я благодарен за свой выбор графики в качестве линии творчества. Выдающийся учитель преподавал мне Школу рисунка, а папа показал мне, как работать тушью острым стальным пером, рассказал технические секреты, которые легли прочной основой моего творческого метода. Папа стал инициатором моего поступления в Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина на художественно-графический факультет, позаботившись, чтобы у сына сразу было три профессии: художника, чертёжника-конструктора и педагога, как и у него самого. В трудные девяностые мне это пригодилось.

Помню, что папа очень любил ходить на художественные выставки и в музеи, в детстве всегда со мной. Третьяковка и Пушкин-

ский музей – его дом родной... Кумиром отца был Илья Ефимович Репин. Папа зачитал до дыр его «Далёкое и близкое», воспоминания современников, жадно искал информацию о любимом художнике.

Отец вообще любил читать: Толстой, Чехов, Цвейг, Пиккуль, Балашов, Айтматов, Шолохов... Он был завсегдаем букинистических магазинов, в нашем доме была огромная библиотека – свыше двух с половиной тысяч томов. Папа всегда хотел быть в курсе всего, от искусства и политики, до науки и техники. В разное время он выписывал массу газет и журналов: «Правда», «Комсомолка», «Огонёк», «Эхо Планеты», «Наука и жизнь», «Техника молодёжи», «Новый мир», «Юный художник», «Юный натуралист»... Их подшивками был завален чердак нашего дома в деревне. Моя любовь к чтению и литературному творчеству тоже от отца.

Отец любил путешествовать с семьёй. Остались в памяти яркие картинки поездок по стране: самые интересные памятники архитектуры и природы, места сражений, родные пенаты поэтов, художников, композиторов... Где мы только не побывали в 1970–80-х. Всё Подмосковье, «Золотое кольцо», Пушкиногорье, Великий Новгород, Ленинград, Прибалтика и Беларусь, Украина, Чёрное и Азовское море... Папа всегда за рулём. Он водил мягко, ответственно, не рвал двигатель, не нарывался на штрафы. И советские машины у него служили подолгу... Чинил всё сам, если всё же ломались.

Экскурсоводом была мама – авторитет в области истории, и не только. Папа часто советовался с ней, её мнение он ценил, ему до-



*Папа, я, мама в Ленинграде, около 1974 г.*



*Слева-направо: Папа, я, В.М. и А.В.Ладыгины, в Переславле-Залесском, около 1975 г.*

верял. Ещё мама была докой в кулинарии, кормила нас так, как во времена СССР редко кто: торты, кексы и пирожные, супы и салаты... В поездках, конечно, всё было по-простому. Пикники у обочины: раскладные стулья и стол, варёные яйца с томатом и чёрным хлебом, сладкий кофе из термоса. Иногда на привале папа доставал из багажника этюдник. Следовал быстрый «нашлёпок» маслом...

Два лета в 1980-х мы проводили отпуск в Плесе, совмещая семейный отдых с пленэром. Волжские мотивы, как и для Левитана, стали для папы источником вдохновения, а десятки этюдов с природы и несколько станковых живописных полотен – итогом.

Однажды папа встал на Соборной горе в центре г. Плёса с этюдником, писал маслом вид, откуда это делал некогда Исаак Левитан. Когда отец на миг отошёл от этюдника, чтобы посмотреть на картину в целом, случился курьёзный случай. Мимо потоком двигались экскурсионные группы, одна ретивая мадам тут же подошла, схватила кисть и, помесивши краску на палитре, собралась «помочь работе». Когда её остановил мягкий папин голос, та заявила, что была уверена, что этюдник – лишь туристический антураж и это задумка, чтобы экскурсанты могли приобщиться к искусству...

До 1983 года почти все выходные мы проводили в подмосковной Баковке. Хозяин дома, Алексей Лазаревич Лактионов, и хозяйка, Ксения Тихоновна, опровергая стереотипы о тесте и теще, любили отца всей душой и были любимы им. Дом их был гостеприимным. Фронтальные друзья дедушки, родственники со всего СССР, постоянно кто-



*Я и папа. В поездке по «Золотому кольцу», конец 1970-х гг.*



*Слева-направо: я, Н.П.Веретенников, А. Л. и К. Т. Лактионовы, папа и мама. Баковка, начало 1980-х гг.*



*А.В.Ладыгина, я, папа и В.М.Ладыгин.  
Село Б.Свинорье, около 1977 г.*



*Папа у купленного дома в д. Гавшино,  
лето 1983 года.*

то в гостях, почти всегда застолье. В центре внимания нередко были не хозяйева вечеринки, а папа и его баян, а с ними – мамины песни.

Иногда мы ездили к папиным родителям в село Большое Свинорье в Подмоскowie. Ходили с дедушкой на рыбалку к речке Свинорке, которая текла на задворках их огорода. Потом долго пили чай на залитой вечернем солнцем веранде. Смеялись над частушками, шутками и прибаутками, московскими побасенками, которых у Виктора Михайловича и Владислава Викторовича всегда было в избытке. Веселились и над моими школьными анекдотами. Дедушка, папа и я часами играли в шахматы, шашки, «резались» в карты и домино...

Папа любил музыку и как исполнитель, и как слушатель. Он продолжал музицировать до самой смерти. Ещё в 1980-х он приобрёл концертный инструмент Weltmeister и радовал родных, друзей и соседей прекрасной игрой с чувством... Музыка сопровождала его жизнь, создавая настроение. Под неё ему легче творилось. Особенно часто звучал Фрэнк Синатра. Бархатный голос этого певца отец полюбил в армии и передал эту любовь мне. Папа обожал джаз и классику. Десятилетиями он коллекционировал пластинки Синатры, а также Луи Армстронга, Бенни Гудмана, Майлса Девиса, Гленна Миллера, Дюка Эллингтона, и, конечно, с классикой – Людвига ван Бетховена, Сергея Рахманинова, Петра Чайковского,...

Папа был глубоко интеллигентным человеком, но совсем не подходил на изнеженного аристократа-интеллектуала, которым представляют «настоящего» родовитого интеллигента европейские пи-



сатели. Русский интеллигент никогда не чуждался физического труда, вспомним графа Льва Толстого, впрягавшего своего породистого коня в плуг и пашущего землю наравне с крестьянами, не забудем Петра Великого, получившего в Голландии рабочую лицензию корабельного мастера, в чьей руке топор творил чудеса! Не исключением был и отец.

В 1983 году папа купил дом в деревне Гавшино, в Александровском районе Владимирской области. Очень вовремя, как оказалось. В голодные годы Перестройки мы занялись здесь земледелием, впрочем, как почти все горожане в стране от рабочих до интеллигенции. Папа знал истину: «земля всегда прокормит». Осенью мы собирали урожай в 100 вёдер картошки, десятки кочанов капусты, вёдра свеклы, моркови и лука, а мама солила в сезон 50 трёхлитровых банок огурцов, варила неподдающееся подсчёту количество варенья. Почему-то на земле тогда работали лишь мы, городские, да местные колхозники-пенсионеры. Сельская молодёжь, вместо решения Продовольственной программы, уезжала на заработки в города или пила «горькую». Стоило отвернуться, как алкаши воровали с огородов дачников сельхозпродукцию. Не раз вместо морковок оставались дырки в земле и у нас...

Папа относился к родной земле не как потребитель. Он сам сажал берёзки и шиповник вокруг нашего дома в Москве, чтобы двор не походил на пустыню. В деревне, когда завалился общественный колодец, он открыл у берега реки ключ, оборудовал спуск к нему, вместе



*«Небывалый урожай». В д. Гавшино, начало 1990-х гг.*



*Папа у «Ладыгинского» родника, д. Гавшино, 1993 г.*

со мной пристроил удобный слив. Пару десятков лет этот источник местные жители называли Ладыгинским и пили его сладкую, чистую, минеральную воду. Сильный разлив Малого Киржача в конце нулевых смыл наши устроения, никто родник с тех пор не возобновил...

В декабре 1985 года я ушёл в армию. За это время папа отращивал бородку, приобрёл вид профессора. Борода стала его гордостью и предметом особой заботы. Он с ней был настоящим визажистом, постепенно ища наиболее подходящий для себя имидж. Коллизии этого творческого процесса отразились в его нескольких автопортретах.

Когда после распада СССР гайдаровские «500 дней» принесли в магазины обильные плоды народного хозяйства сопредельных стран, дом в деревне стал местом для душевного отдыха и хобби. Мы уже не сажали столько сельхозпродукции, но продолжали всё делать сами, просто потому, что это было интересно. Вместе мастерили, строили, ремонтировали. Всё спорилось.

Помню, как мы с папой на морозце рубили дрова и шли в лес кататься на лыжах, а летом – по грибы и за ягодами, за столбиками для поновления околицы, просто подышать фитонцидами.

Отец любил работать с деревом. Часто занимался резьбой. У меня до сих пор в хозяйстве используются вырезанные им ложки для обуви, посохи с весёленькими головами монахов, полочки, скамейки и другие артефакты. Папа сам делал круглые рамы из досок мебельного щита под свои работы (любил круглые форматы для натюрмортов из цветов). В пору всеобщих дефицитов он строгал из брусков багет с помощью специального фигурного рубанка – калёвки.

В 1994 году мы вместе с отцом срубили баню. Топор играл в его руке, в которой была сноровка и сила, несмотря на его щупленькую фигурку и невысокий рост. Тогда он научил меня и этому ремеслу. Как оказалось, он и плотником был. Недаром иностранцы русских звали когда-то народом плотников, а папа был настоящим русским человеком. Помню, как заготовливали веники под Троицу: берёзовые, дубовые. А зимой срезали и еловые (да-да, такие тоже бывают, только использовать нужно пушистый сорт ёлки с мягкой хвоей, свежие лапки, а запаривать кипятком). Как истово парились, лишь только баня была закончена.

В пору первых бань мы открыли для себя импортное пиво «Белый медведь» (то было не его современное жалкое подобие Мыти-

щенского разлива, отдающее спиртом, а настоящее, плотное, маслянистое, душистое Пиво, завозимое на ярмарку «челноками»). Оно стало обязательным атрибутом наших долгих банных процедур. Папа вообще понимал толк в напитках: любил пиво натурального брожения, выдержанный армянский и французский коньяк, качественную русскую водку (более других предпочитал Зубровку), но никогда не пил лишнего. Запомнилась сценка: в полуденный зной папа сидит в тени яблони на лавочке с бутылочкой холодного пива, на лице блаженство и философское настроение, как у Диогена.

Папа любил также и кофе: арабику в зёрнах, свежего помола. Заваривал его он только по утрам.

Особое место занимал чай. Помню, как долгими деревенскими вечерами мы часами вместе чаёвничали за самоваром в горнице или перед окном дома на улице, «кормя комаров». Чай был непростой, а всегда самый лучший (сортовой листовой китайский, цейлонский и индийский, иногда с добавкой перечной мяты, липы, ягод и смородиновых почек со своего огорода).

У нас была настоящая чайная церемония. Сначала папа готовил специальные лучинки. Распиливал сухое берёзовое поленце на кусочки в 10-15 см. Маленьким топориком он накалывал из них полоски 1,5-3 см толщины. Затем – растопка самовара берестой, загрузка чурочек, иногда прокачка сапогом, если не разгорались. Пока мы топили самовар, мама сервировала стол. Потом мы заливали кипятком заварной чайник (или два), оттапливали минут пять



*«Первый венец», д. Гавшино,  
1994 г.*



*Мама, папа, я и моя жена Елена в д. Гавшино,  
1996 г.*

на самоварной конфорке. И вот, несём самовар на стол. Начинается священнодействие: чинный налив кипятка в стаканы в подстаканниках или в фарфоровые чашки, добавка заварки, а затем питье. Отдуваясь... С полотенцем. Всегда шли на рекорд, стараясь «перепить» друг друга: 10 чашек, 12...

Заедали маминым домашним вареньем и пирогами, свеженькими, только из печи. Если приезжали в деревню мужской компанией – по папиному рецепту распаривали в русской печи простой белый хлеб (окунаешь батон (обязательно целый) в ведро с ключевой водой – и в печь). Как же это вкусно: воздушный мякиш, румяная хрустящая корочка, сливочное масло, варенье.

А после долгие разговоры, философские споры, диспуты о вопросах из всех областей бытия... Папа был очень глубоким человеком!

Свободное время мы часто проводили за семейными развлечениями. Играли в шахматы, устраивая целые турниры на спор: «Кто кого переиграет в 20-ти или 50-ти партиях?» Разлиновывали турнирную таблицу... Когда к нам присоединялась мама, мы до одури «резались» в карты, шашки и домино, а после самовара иногда играли в лото. Смотрели кино, предпочитая киноклассику, доставая кассеты с лучшими фильмами, как только в 1988 году купили первый видеомагнитофон «Электроника». Вечерами часто все вместе читали книги, каждый свою, но одновременно...

Конечно, мы с папой много времени отдавали и нашей музыкальной коллекции из «тысячи пластинок», как в песне группы «Секрет» (точно не считал, наверное, столько и было). Прослушивали проходившие сквозь наши руки виниловые пластинки, с жалостью возвращая их, если не хватало средств купить, но переписав на катушку или кассету саму фонограмму. В те времена мы познакомились и подружились с рядом московских коллекционеров, интеллигентношестидесятников. Карен, Вольдемар и Стас стали частыми гостями в нашем гостеприимном доме. Застолья у нас собирались довольно нередко. Мама всегда умудрялась сделать что-нибудь вкусенькое даже во времена дефицитов, типа «супа из топора».

По советским меркам папа всегда неплохо зарабатывал, но достать что-то в условиях повального дефицита было очень сложно. Во время вечеров филофонисты слушали музыку, используя отечественную технику, которая, кстати, если «задавалась», обладала не-

плохими характеристиками. Пластинки крутили на «Арктуре», звук усиливали «Амфитоном», а лился он из колонок «Электроника». Были и магнитофон «Яуза» и приёмник «Радиотехника», который отлично справлялся даже с «глушилками». Сборная солянка из техники, конечно, но удовольствие она приносила. Только с развитием рыночной экономики в России папа наконец-то приобрёл давно возжеленные: японскую Hi-end аудиотехнику «Pioneer» и американскую акустику «Optimus». С тех пор он наслаждался полным звуком своей богатой музыкальной коллекции виниловых пластинок.

Ещё одним увлечением отца была художественная фотография. Он не расставался со своим «Зенитом», сам печатал фотографии, любил цветные слайды. Часто он снимал и кино. Десятки альбомов с фото, сотни слайдов... Все они остались окнами в прошлое, а бобины с узкой плёнкой кинохроники запечатлели прошедшую жизнь. Вот только сам он нечасто из-за этого попадал в кадр...

В 1998 году родился внук, Илья. Пока он был маленьким, дедушка веселил его сказками собственного сочинения. Он был великолепным рассказчиком: Илюшка часами слушал добрый голос деда и обхохатывался от его историй про похождения «зайца-робота» и других, выдумываемых им на ходу персонажей. Папа любил в старости придумывать прозвища для вещей и живых существ, так шу-



*Дедушка и внук Илья  
в д. Гавшино,  
1999 г.*



*Папа, моя жена Елена и я; затем –  
Валерий Кочкин, Людмила Михайлова  
и Елена Ким на открытии моей вы-  
ставки в «Ростовском кремле», 2000 г.*

руповерт был у него «шурупчиком», а шмель «братаном», с внуком они говорили на собственном языке. Когда Илья немного подрос, дедушка стал для моего сына авторитетным старшим товарищем, учителем, постоянным партнёром в играх и увлечениях. Шахматы, молоток и отвёртка, футбол и велосипедные прогулки...

В 2000-х папа вновь, как в студенческие годы, увлёкся копированием произведений своих любимых живописцев – Василия Перова, Ильи Репина и др. Часами отец просиживал в Третьяковке, пытаясь раскрыть секреты мастеров-академистов. «Охотники на привале», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»... А всё началось с заказа от его друга, профессора В. Б. Спиричева, который захотел подарить дочери копию «Девочки с персиками» Валентина Серова, на которую она была похожа в детстве.

В конце «нулевых» папа подолгу жил зимой в моём благоустроенном загородном доме в Софрино, к себе в Гавшино ему и маме ездить в холодный сезон стало тяжело. В Москве, по его же словам, он «закисал», даже несмотря на то, что рядом с ним была любимая супруга. В Софрино зимой мама тоже всегда ездила с неохотой, большую часть времени отец проводил здесь в гордом одиночестве, иногда со мной и моей семьёй. Когда я вырывался на дачу в те годы, то нередко заставал отца слушающим джаз, смотрящим киноклассику, читающим, пишущим картину, что-то мастерящим... Но никогда без



*Профессор В.Б.Спиричев у своего портрета кисти В.В.Ладыгина, 2011 г.*



*Внук Илья и папа у копии «Девочки с персиками» в Софрино, 2010 г.*

дела. Мы парились с папой в новой бане, в обустройстве которой на моём участке он принял самое непосредственное участие. До сих пор радуют глаз сделанные им полочки с лошадиными головками-консолями, стол и табуреты на резных ножках.

Ему очень нравилось топить печку, ещё с армейских времён, когда он был ответственен за обогрев Клуба в части. Папа любил разжигать голландку в моём доме, смотреть на огонь, переливающийся за огнеупорным стеклом прозрачной дверки её топки, греться в тёплых лучах, исходящих от пламени берёзовых поленьев, ощущать лёгкий запах их сладкого дыма. Папин последний автопортрет, созданный им незадолго до смерти, был написан на фоне этой печи.

В январе 2012 года профессор Л. Н. Шатнюк праздновала свой юбилей. Она пригласила на день рождения множество друзей и коллег, в том числе меня, мою супругу Елену и папу. Среди гостей были её коллеги-учёные, предприниматели и технологи-пищевики. С многими из них отец сотрудничал в различные периоды своей творческой карьеры. Папа произносил тосты, танцевал с дамами, был рад возможности пообщаться. Он и не думал, что эта встреча окажется последней.

Летом того года отец продолжал ездить в своё любимое Гавшино. Покупал по дороге вагонку (по паре пачек за раз) и сам обшивал стены, обновляя интерьер, из тонких досок резал декоративный плинтус на карниз (в форме волны из полукружий).

В погожие дни он всё также отправлялся на велосипеде за деревенским молоком или шёл со своим большим, выдавшим виды этюдником в поля, в лес или на речку, и писал этюды с натуры. В дождь – поднимался в мастерскую под крышей дома и работал над станковыми композициями. Радовался, что у него гостил внук на каникулах, играл с ним в шахматы, карты и лото, учил плотничать и столярничать.

Я как-то не придавал тогда этому значения, но папа, приехав ко мне в сентябре 2012 года, показался слабым и каким-то «прозрачным», хотя сохранял «бойцовский» вид и всегдашнее хорошее настроение. Наверное, сердечная болезнь уже начала подтачивать его силы.

24 сентября 2012 года папа с мамой отпраздновали в Москве репетицию своей «Золотой свадьбы». Шутка ли, 49 юбилей! По осени он привёз в Софрино новые чистые холсты на подрамниках – готовил «фронт работ» на зиму. Они так и остались незавершёнными...

Никто не ожидал, что папа уйдёт так рано. Он почти никогда не болел, а маме заявлял: *«Не записывай меня в старики!»*. Он вообще любил жизнь и наслаждался полнотой бытия. Вот несколько цитат из его дневника, штрихи к портрету: *«Господи! Наконец-то я в деревне с Любашей. Весна! Скворцы! Дождь. Почки набухают...»*; *«Баня! Люблю баню. Это что-то потрясающее. Сам процесс подготовки – уже замечательно...»*; *«Какая Луна! Сплошной туман, светло очень. Красота и тишина. Только в деревне это можно увидеть...»*.

Мы разговаривали с ним по телефону за несколько часов до его последнего вздоха, строили планы на будущее. У меня на даче пахло масляными красками, на мольберте стояла его начатая картина. За день до того, он купил мне подарок – шуруповёрт Bosch (он вообще обожал инструменты). О презенте молчал, думал, что у него ещё оставалось время...

Папа угас за один день. 16-го ноября он в обед пожаловался, что *«за грудиной жмёт и жжёт как-то»*. Съел бутерброд с красной икрой, захотелось солёненького. Лёг подремать. Поздним вечером боль усилилась и «Скорая» увезла его в госпиталь с кровоизлиянием в перикард и обширным инфарктом. В сознании он с надеждой ждал операции, отправил маму домой, наказал мне не ехать к нему на ночь глядя из загорода: врачи обещали, что всё обойдётся...

Ранним утром 17 ноября 2012 года, на 73-м году жизни, его сердце остановилось. На рассвете мама сообщила мне печальную весть. Похоронили отца в Лайково (под Одинцово), рядом с любимыми тещем и тёщей. Так тихо ушёл в лучший мир скромный человек, чьи работы во многом изменили лицо отечественного дизайнера.

\* \* \*

*Сколько таких незаслуженно обделённых вниманием героев, которые неустанно трудились на благо нашей Родины, не ища признания, не почивая на лаврах?*

*В год восьмидесятилетия со дня рождения Владислава Викторовича Ладыгина хочется немного приоткрыть завесу молчания, показав на страницах этой книги современному российскому обществу хотя бы малую толику обширного творческого наследия Отца, рассказать о том, какой это был Настоящий Необыкновенный Человек.*

*Москва – Софрино – Псков, 2020*



**ЖИВОПИСЬ ВЛАДИСЛАВА ЛАДЫГИНА (с 1964 по 2012 г.)**



*Автопортрет, 1964 г.  
Холст, масло*



*Портрет натурщица, 1965 г.  
Холст, масло*



*Черёмушки, 1970 г. Бум., гуашь*



*Гладиолусы, 1972 г. Бум., гуашь*



*Натюрморт из фруктов, начало 1970-х гг. Картон, масло*



*Река Серебрянка в Измайловском парке, начало 1970-х гг. Картон, масло*



*Терлецкий пруд, середина 1970-х гг. Картон, масло*



*Пейзаж, середина 1970-х гг. Картон, масло*



*Вид села Большое Свинорье, середина 1970-х гг. Картон, масло*



*«На закате». Пейзаж в Переделкино, 1977 г. Картон, масло*



*Терлецкий пруд, конец 1970-х гг. Картон, масло*



*«Курские дали», пейзаж деревни Клишино, конец 1970-х гг. Картон, масло*



*Пейзаж в Баковке, 1978 г. Холст, масло*



*Пейзаж, конец 1970-х гг. Картон, масло*



*«Заросший прудик», 1980 г. Холст, масло*



*Плѣс, 1981 г. Холст, масло*



*«Волжский мотив. Плѣс», 1982 г. Холст, масло*





*Деревня Малое Шимоново, 1984 г. Холст, масло*



*«Март в Гавшино», 1984 г. Картон, масло*



*Деревня Гавишино, 1985 г. Холст, масло*



*Река Малый Киржач у деревни Гавишино, конец 1980-х гг. Холст, масло*



*Разлив реки Малый Киржач. Деревня Гавшино, начало 1990-х гг. Картон, масло*



*Портрет сына. (Е.В.Ладыгин в доме в Гавшино), зима 1990-91 гг. Картон, масло*



*«Закат». Река Малый Киржач. Деревня Гавшино, начало 1990-х гг. Картон, масло*



*«Шимоновский луг», середина 1990-х гг. Картон, масло*



*«Шимоновская горка». Деревня Гавшино, конец 1990-х гг. Картон, масло*



*«Промозглая погода». Деревня Гавшино, 2003 г. Картон, масло*



*«Золотая осень», начало 2000-х гг. Картон, масло*



*«Весна». Деревня Гавишино, 2007 г. Картон, масло*



*Портрет внука Ильи, 2006 г.  
Холст, масло*



*Икона Владимирской Божьей Матери,  
2009 г. Доска, левкас, темпера*



*«Зимний пейзаж», незавершённая работа, 2012 г. Холст, масло*

---

**Ладыгин Евгений Владиславович**  
**ВЛАДИСЛАВ ЛАДЫГИН – ДИЗАЙНЕР, ХУДОЖНИК, ЧЕЛОВЕК.**  
**Воспоминания об Отце**

Подписано в печать 01.07.2020 г. Формат 60x90 1/16. Усл. п. л. 5,0. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Тираж 100 экз.  
ООО «ПРИНТ-АГЕНТ», 170021, г. Тверь, ул. Хрустальная, д. 51, офис 9, [www.принт-агент.рф](http://www.принт-агент.рф)  
Заказ № 549-20

© Ладыгин Е. В., 2020. Все права защищены.

Иллюстрация на обложке: Ладыгин В.В. «Автопортрет», начало 1980-х. Бум., пастель.  
Распространяется бесплатно